

ЧЁРНАЯ СТАДИЯ

АНТОН АБРАМОВ

АНТОН АБРАМОВ

Чёрная стадия

«Автор»

2026

Абрамов А.

Чёрная стадия / А. Абрамов — «Автор», 2026

Палеопатолог Вера Северова получает из Песочкой костницы зуб человека, умершего в XV веке, и находит в нем след болезни, которой тогда не могло существовать. Ошибка анализа? Загрязнение образца? Или древний ряд, в котором кости, гравюры, монастырские записи и современные медицинские случаи складываются в пугающую систему? Чем глубже Вера идет по следу, тем яснее становится: кто-то уже знал, что она найдет невозможное. Ее честность, научная осторожность и личная боль были заранее вписаны в чужой план. Таинственный фонд "Возврат" собирает Песочкий ряд не ради прошлого. Ему нужна завершающая печать, способная превратить знание в инструмент. Чтобы спасти живых, Вере придется сделать то, что для ученого почти невыносимо: испортить идеальное доказательство. «Чёрная стадия» - мрачный интеллектуальный триллер о древней болезни, русской готике, опасном знании и цене научной чистоты.

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Nigredo / Чёрная стадия	5
Глава первая. Зуб	5
Глава вторая. Пустой контроль	12
Глава третья. Северная ниша	22
Глава четвёртая. Чёрная работа	31
Глава пятая. Второй прогон	36
Глава шестая. Гравюра	44
Глава седьмая. Сосуд	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Чёрная стадия

Часть I. Nigredo / Чёрная стадия

Глава первая. Зуб

Зуб лежал в прозрачной кассете под номером ПП-15/17, между двумя слоями безворсовой бумаги, и вся земная часть его владельца, доступная учреждению, умещалась в строке полевого акта: *муж., 35–45?, монастырская костница, северная ниша, глуб. 1,74, предварит. датировка XV в.*

У людей, пришедших к смерти без имени, возраст всегда ставили через тире, пол через вопросительный знак, судьбу через сокращение. Вера Андреевна Северова с детства недолюбливала эту канцелярскую тесноту, но в лаборатории пользовалась ею без жалости: всякое милосердие к материалу начиналось после учёта, после номера, после того, как кость переставала быть находкой и становилась доказательством. До этого момента она принадлежала земле, археологам, реставрационной смете, музейной описи, местной администрации, дирекции института, двум ведомствам и одному фонду с благотворительным названием; после — входила в область, где на всякую догадку требовался контроль, на всякую красоту — повтор, на всякую жалость — чистый протокол.

За стеклом бокса зуб казался крупнее, чем на ладони: жёлтая коронка, стёртая по краю; корень, на котором оставалась тонкая тёмная кайма; шейка, в которой задержалась земля. У премоляров людей тяжёлой жизни всегда был особый вид усталого инструмента: ими жевали грубый хлеб, крупу с песком, рыбу с костями, зимой — то, что летом сочли бы кормом для скота. На эмали оставались линии детского голода, на дентине — счёт годам, в пульпарной камере — молекулярные остатки кровяных клеток, пережившие шесть столетий в виде коротких обломков. Вера любила зубы с осторожной благодарностью. Положение черепа допускало ошибку: его могли переместить, очистить, переложить, смешать с соседними костями; в зубе, закрытом челюстью и запаянном эмалью, оставалось меньше возможностей для ложной интерпретации и больше вещества.

В комнате древней ДНК горел верхний лабораторный свет, безжалостный к коже рук, к царапинам на металле, к каждой пылинке на рабочей поверхности. Бокс стоял у стены, отдельный, с ламинарным потоком и журналом обработки; рядом — центрифуга, низкая, тяжёлая, с крышкой из серого пластика; за перегородкой, через узкое окно, виднелась секвенаторная, где прибор с закруглённой передней панелью был накрыт защитным чехлом. В бывшей прозекторской сохранили плитку до плеча, старые водопроводные трубы и вытяжку с решёткой, которую обслуживали по документам чаще, чем в действительности. Северо-Западный институт исторической патологии занимал корпус, построенный для смерти более прямой и свежей, чем та, которой занималась Вера; прежнее назначение здания проступало в планировке: длинные коридоры, широкие двери, удобные для каталок, боковые комнаты, где холод регулировался лучше отопления.

На двери висела табличка «Чистая зона. Вход по журналу». Ниже Нина Калинина приклеила стикер с черепом и подписью: «Череп тоже вошёл по журналу». Директор дважды велела снять, Вера дважды откладывала распоряжение до свободной минуты; свободные минуты в их учреждении относились к тем же мифическим объектам, что гранты без отчётности и реактивы, пришедшие в срок.

Вера проверила перчатки, подтянула манжеты халата, включила камеру фиксации и открыла кассету. Видеозапись была внутренним правилом после истории с новгородской кол-

лекцией, когда один аспирант перепутал два образца берцовой кости и три месяца спорил с датировкой, хронологией, собственным руководителем и здравым смыслом. С тех пор Вера записывала каждое вскрытие, каждую передачу, каждую смену наконечника, в том числе в тех случаях, когда образец представлял собой скучный средневековый кариес и две ложки почвенных бактерий.

По бумагам Псковский зуб относился к скучным материалам. Костница при Никольской Песочкой пустыни, аварийное укрепление северной стены, смешанный монастырский слой, отдельное положение скелета в нише, вероятная инфекция по общим изменениям костей. Археолог Ветров отправил комплект с нервной аккуратностью: акты, фотографии, координаты, схема залегания, сопроводительное письмо, где он трижды просил «по возможности исключить особо опасные инфекции ввиду общественного резонанса». Такое писали люди, у которых над раскопом уже стояли реставраторы, чиновники, представители епархии, журналист районной газеты и финансист проекта с улыбкой на сайте фонда.

Вера вынула зуб пинцетом, перенесла на стерильную подложку и задержала взгляд на коронке. Край был стёрт с одной стороны сильнее; человек жевал на правую, левую берег от боли или старого воспаления. На корне оставалась минерализованная полоска. В рентгеновском снимке, присланном вместе с комплектом, пульпарная камера выглядела достаточно закрытой для попытки. Если повезёт, получатся фрагменты человеческого генома, данные по полу, родству, пищевой истории. Если очень повезёт, выйдет что-нибудь инфекционное: чума, туберкулёз, бруцеллёз; менее эффектно, зато убедительно для отчёта. Если повезёт так, как обычно в российской науке, придёт смесь почвы, грибов, современных лабораторных следов и вопрос от дирекции, почему потрачены колонки.

Она отметила участок, сделала микрофотографии, перенесла зуб в держатель. Алмазный диск снял тонкий слой со стороны корня, без лишнего давления; белёсая пыль собралась на подложке. Вера отобрала часть дентина, часть материала из области пульпы, добавила контрольные образцы, закрыла пробирки, подписала индексы. В древней ДНК самое трудное заключалось в смирении перед малостью: всё ценное существовало в следах, в повреждённых концах молекул, в статистике длин, в совпадениях, которые сами по себе были ничем и приобретали вес лишь в совокупности. Работа с костью требовала терпения, а работа с зубом — ещё и такта; исследование пульпы открывало доступ к следам кровяных клеток и при поспешности оборачивалось грязным шумом.

В коридоре хлопнула дверь, и через стекло показалась Нина: худи под халатом, шапка с отворотом, два пробирочных штатива в руках. Она постучала костяшками по раме, дождалась жеста и вошла в предбокс.

— Псковский? — спросила она, всматриваясь в кассету.

— Он.

— Ветров звонил уже четыре раза. У него там реставраторы стоят над душой, епархия над реставраторами, фонд над епархией, а Круглова над телефоном. Пищевая история им скучна, они хотят чуму, желательно к пятнице и без слов «предварительно».

Вера сняла пинцет, закрыла контейнер, отметила время в журнале.

— Им нужен отчёт.

— Им нужна табличка для пресс-релиза: «монастырь пережил мор». По любому культурному наследию быстро готовят речь, когда рядом грант.

Нина оставила штативы у второй станции, проверила экран прибора, где шёл старый прогон по образцам из карельского могильника. Её движения, обычно резкие, в чистой зоне становились точными и экономными: поколение, выросшее на коротких контрактах и длинных инструкциях, презирало бумажную бюрократию, зато соблюдало цифровую дисциплину с религиозной сосредоточенностью.

— Контроли заведёшь сама? — Вера передала ей лист индексов.

— Уже завела. И резервные тоже. После тверского черепа я верю в два вида зла: человеческую самоуверенность и общий холодильник.

— Общий холодильник чаще побеждает.

Нина усмехнулась, но взгляд задержался на полевом акте.

— Северная ниша, отдельное положение... странная формулировка. Обычно Ветров ругается подробнее.

— Его просили писать красиво.

— Он от этого пишет хуже.

Вера глянула на строку, где в углу стояла печать реставрационного фонда. «Фонд сохранения исторической памяти “Возврат”». Название было из тех, которые вызывали у неё профессиональный зуд: память нельзя вернуть, её можно только прочесть в повреждённом виде, с пробелами, с помехами, с обязательным признанием потерь. Но грантовые люди любили глаголы из области воскресения. Возвратить, возродить, восстановить. Вера предпочитала слово «установить». Оно было суше, беднее и честнее.

Телефон завибрировал в кармане халата, хотя в чистой зоне этому месту телефона не полагалось. Она не стала смотреть. Нина посмотрела за неё через стекло предбокса, где аппарат лежал на металлической полке.

— Круглова. Третий вызов.

— Значит, ещё есть два до катастрофы.

— У неё сегодня голос уже грантовый.

— Это хуже прокурорского?

— Прокурорский хотя бы содержит правовые основания.

Вера завершила подготовку первой серии и передала Нине контрольный лист. До секвенатора оставались библиотека, индексация, очистка, количественная оценка; скучная лестница процедур, на которой всякий романтический ужас древней смерти превращался в объёмы, циклы, концентрации и риск человеческой ошибки. Она любила эту лестницу. В ней было спасение от произвола впечатлений. Любую сенсационную интерпретацию следовало проводить через скучную проверку.

К десяти вечера институт опустел до звуков, которые проявлялись лишь после ухода дневных людей: редкий щелчок батареи, бас вентиляции, дальний ход лифта, одиночный звон стекла в комнате, где оставили плохо закреплённую колбу. За окнами линии двора растворялись в сером свечении фонарей; снег в этом году сошёл рано, оставив в щелях асфальта тёмный песок, похожий на мелкую золу. Вера сняла халат чистой зоны, перешла в секвенаторную, расписалась в журнале прибора и запустила серию.

Старый аппарат они получили по программе модернизации, уже бывшим в употреблении; фонд “Возврат” оплатил сервисный контракт, и директор вспоминала это каждый раз, когда Вера пыталась спорить о внешних соглашениях. На панели прибора сохранилась тонкая царапина, похожая на след скальпеля. Нина называла её линией судьбы и грозилась обвести маркером; Вера запретила, ссылаясь на гарантию, которая давно истекла. По надёжности прибор превосходил половину чиновников, с которыми институт имел дело; словесных процедур вокруг него возникало меньше.

Нина ушла ближе к полуночи, оставив на столе распечатку контрольных таблиц и шоколадку с запиской: «Для случаев, когда наука опять оказалась бесплатной». Вера убрала шоколадку в ящик, где уже лежали три такие же, и вернулась к полевым фотографиям. До первых данных оставались часы, но она редко уходила в такие ночи. Дом на Петроградской стороне давно стал местом сна и смены одежды; в институте оставалось всё остальное: работа, вина, память, привычка к тишине, стол с лампой, шкаф с костями, которых она знала лучше многих живых знакомых.

На фотографии из Песочкой пустыни скелет лежал в песчаной нише, отделённый от общей массы костей узкой перегородкой из камня и спрессованной земли. Снимали сверху, с неудачным боковым светом, поэтому часть ребёр ушла в тень, а правая бедренная кость, напротив, вышла чрезмерно белой. Вера увеличила изображение, отметила положение черепа, плечевого пояса, таза. Тело клали без гроба или гроб распался без следа; руки находились вдоль корпуса; ноги вытянуты; череп повернут вправо. Отдельное положение могло значить всё что угодно: поздняя перекладка, особый статус, инфекционный страх, практическое удобство в тесной нише, ошибка полевого описания. У археологии, как у медицины, было мало признаков, которые сами по себе давали ответ; смысл возникал из связей.

Она пролистала до снимков костей крупным планом и остановилась на левой локтевой. На проксимальной трети диафиза виднелась тонкая линия — светлая, с затемнённым краем. В полевом акте пометка: *механическое повреждение при расчистке?* Вера увеличила снимок до зернистости. След был узкий, уверенный, с чуть расширенным началом; похожие следы оставляет лезвие, вошедшее под углом. Археолог поставил вопросительный знак, и за это Вера была ему благодарна: люди, уверенные в случайности, записывали случайность без сомнений.

На стол легла её старая лупа в металлической оправе. Беспольный жест перед цифровым снимком, но рука сделала его сама. Локтевая кость на фотографии принадлежала человеку, умершему за шесть веков до появления аппарата, который сейчас разбирает его молекулярные остатки на короткие последовательности. Между ними стояли монастырская стена, мор, войны, царские дороги, имперские архивы, советские шкафы, реставрационные сметы, фондовый логотип, транспортная накладная и холодильник института. Цепочка была длинной; случайность в длинных цепочках выглядела убедительно до первой повторяемости.

Телефон снова завибрировал. Вера всё же вышла в коридор и взяла вызов. Кабинет директора находился этажом выше, но Круглова предпочитала звонить, даже когда расстояние умещалось в один лестничный пролёт: так разговор сразу становился служебным.

— Вера Андреевна, вы на месте? — голос Раисы Давыдовны был плотен от сдерживаемого раздражения.

— В секвенаторной.

— Прекрасно. Псковские завтра ждут предварительную справку.

— Завтра они получают уведомление о начале анализа.

— Им этого мало.

— Тогда им придётся принять порядок работы.

В трубке возникла пауза с бумажным шорохом. Директор часто перебирала документы во время неприятных разговоров; Вера представляла её стол: зелёная лампа, папки, чашка, янтарные бусы поверх тёмного платья, распечатанные письма фонда с вежливыми формулировками и угрозами, размещёнными между строк.

— Фонд оплатил срочный режим.

— Фонд оплатил сервис прибора. Аналитический цикл от срочности не сокращается.

— Вера Андреевна, у нас соглашение. В соглашении указаны сроки.

— В соглашении нет гарантий на результат.

— Вы опять превращаете обычный отчёт в кафедральную проповедь о чистоте метода.

— Метод дешевле судебной экспертизы после ошибки.

Круглова выдохнула так, что микрофон дал короткий треск.

— Мне нужен один абзац. Сухой служебный текст. Ваше любимое “требуется дополнительная валидация” на половину страницы оставьте для внутренней папки.

— Будет после первичного выравнивания.

— Когда?

— Ночью.

— Вы там одна?

— Прибор со мной.

— Прибор не подписывает объяснительные.

Связь оборвалась после сухого прощания. Вера вернулась в секвенаторную и увидела, что прогон завершил очередной этап. На экране появились первые показатели качества. Ничего парадного: низкая концентрация, короткие фрагменты, ожидаемая доля человеческой ДНК, фон почвенных микроорганизмов, несколько слабых сигналов по бактериальным таксонам, требующих фильтрации. Так выглядела настоящая древность — скупая, раздробленная, загрязнённая веками без всякой художественной щедрости.

Она перенесла данные на рабочую станцию, открыла пайплайн, настроенный Ниной под их бедный зоопарк образцов, и начала последовательную чистку: качество, длины, дубликаты, повреждения концов, сравнение с контрольными библиотеками, вычитание известных лабораторных фонов. Вера не доверяла красивым совпадениям; красота в данных чаще означала ошибку сборки, посторонний индекс, неверную базу, восторженного аспиранта или деньги, пришедшие с ожиданием чуда. Она предпочитала уродливые результаты, где каждая цифра сопротивлялась интерпретации. Уродливые результаты бывали честными.

Первое совпадение с патогеном появилось в нижней части отчёта, серой строкой, без торжества. Род, вид, несколько маркеров, покрытие слабое, уверенность средняя. Вера отметила строку, расширила окно, отправила фрагменты на повторное сравнение. Повторный отчёт оказался более уверенным. Она изменила параметры, убрала пограничные чтения, оставила только фрагменты с характерными повреждениями древней ДНК. Положение повторилось.

Вера откинулась на спинку стула и посмотрела на протокол. Название было знакомым, исторически уместным, даже ожидаемым для северо-западного материала с подозрением на мор. На этом месте любой пресс-релиз фонда уже получал бы готовый заголовок. Она не любила готовые заголовки.

Она проверила пустые контроли. Чисто.

Проверила индексы. Согласованы.

Проверила длину фрагментов. Короткие.

Проверила повреждения на концах молекул. Древние.

Открыла отдельный терминал, запустила сборку с другими параметрами, дождалась дерева родства. Никакого мистического озарения, никакой музыки под черепом, никаких ледяных ладоней литературы. Только усталость в глазах, сухость от долгого света, неприятная сосредоточенность, которая появлялась у неё всякий раз, когда результат расходился с учебником.

Дерево на экране строилось неторопливо: известные древние образцы, поздние ветви, современные штаммы, узлы, даты, доверительные интервалы. Псковский фрагмент обозначался маленькой красной меткой, автоматически присвоенной программой для текущего запуска. Вера подвинула кресло ближе. Метка оказалась среди поздних производных ветвей, вдали от основания исторической группы.

Она закрыла дерево, открыла заново из другой сборки. Метка повторила положение. Она сменила референс, запустила более строгую фильтрацию, убрала сомнительные участки, оставила консервативный набор SNP. Компьютер занялся расчётом. Вера поднялась, прошла к раковине, включила воду, не касаясь края ладонями, и долго держала пальцы под тонкой струёй, хотя перчатки сняла давно. Так она делала в моменты, когда вместо мысли требовалось бытовое действие.

Вернувшись, она увидела тот же результат.

Такой штамм мог принадлежать будущим развилкам, поздней лабораторной грязи, ошибке базы, перепутанному индексу, современному пациенту, случайному заносу. Он мог принадлежать чему угодно, кроме зуба, извлечённого из псковской монастырской костницы XV века, при условии надёжности данных по пульпе, повреждениям и контролям.

Она вывела на экран карту покрытия. Слабую, неполную, рваную; такую карту стыдно показывать людям, которые любят презентации с цветными полосами. Но в этой рваности было больше силы, чем в безупречном графике. Фрагменты ложились на нужные участки, повреждения подтверждали возраст, повторная библиотека давала тот же контур. Вера знала, как выглядит контаминация. Она видела её десятки раз: жирный современный след, длинные молекулы, резкое покрытие, грязь в контролях, чрезмерная уверенность результата. Здесь была древность. Древность с признаками, которые ещё не должны были быть собраны вместе.

Слово «невозможно» она не любила. В науке оно часто означало только “я ещё не проверил”. Поэтому Вера открыла новый файл и написала сверху: *ПП-15/17. Проверки до формулировок.*

Ниже пошёл список.

Повторить извлечение из независимого участка зуба.

Взять материал из петрозной части, при наличии доступа.

Проверить полевой маршрут образца.

Запросить сырые фотографии северной ниши.

Сопоставить повреждение локтевой кости с трасологией.

Исключить индексное перетекание.

Отправить слепой дубликат Н. лаборатории.

Держать фондовые структуры вне уведомлений до валидации.

Она посмотрела на восьмой пункт и поставила рядом звёздочку. Затем вторую.

Из коридора донёлся шум лифта. Время на мониторе показывало 02:17. В институте в этот час иногда появлялся сторож, иногда дежурный техник из соседнего корпуса, иногда аспиранты, утратившие различие между дедлайном и самоубийственным упрямством. Вера сохранила файл, закрыла окно с деревом и оставила на экране безобидные показатели качества. Дверь в секвенаторную была стеклянной в верхней части; за ней прошла тень, остановилась, сдвинулась дальше по коридору. Шаги стихли у лестницы.

Вера умела отделять тревогу от суеверия. После моргов, раскопов, костниц и судебных коллекций дешёвые страхи теряли силу; настоящие страхи находились в актах, допусках, ошибках маркировки, в ожиданиях заказчиков, в подписанных договорах. Она включила просмотр камеры коридора. Сторож Семёныч шёл к выходу с чайником в руке. В другой руке у него была газета. Всё объяснялось.

Она вернулась к снимку локтевой кости. Тонкая линия на диафизе держалась у края увеличенного изображения; зерно фотографии и тень мешали оценке. Вера открыла письмо Ветрова, нашла вложения высокого разрешения, скачала серию. На третьем снимке линия стала яснее. Повреждение входило в компактную ткань под острым углом и заканчивалось коротким расширением. След расчисточного ножа обычно имел иной характер: поверхностный, прерывистый, со случайной глубиной. Здесь движение было единым.

Она открыла полевой дневник. Возле скелета ПП-15 стояла пометка карандашом: *лев. локт. — знак? снять отдельно.* В печатном акте этого слова уже не было. Там осталось: *механическое повреждение при расчистке?*

Вера медленно перечитала обе формулировки. Между “знак” и “повреждение” лежала вся разница между вопросом и уборкой вопроса из документа. В полях археологи часто писали лишнее; в чистовых актах лишнее исчезало. Доказательством это не считалось, но давало направление.

Телефон показал новое сообщение от Нины:

Ты ещё там? Если Псков даст чуму, не отдавай Кругловой до моего прихода. Если даст скуку, отдай и иди спать. Если даст ересь — напиши “ересь”.

Вера набрала: *Ересь требует повторения.*

Стерла.

Написала: *Приходи рано. Без кофе в общую комнату. В чистую зону.*

Ответ пришёл сразу:

О, значит, ересь.

Вера не стала отвечать. Она распечатала первое дерево без заголовка, поставила дату и номер запуска, убрала лист в папку с внутренними проверками. После этого взяла из холодильника вторую пробирку с материалом ПП-15/17, сверила маркировку с видеозаписью, открыла журнал и начала новый цикл подготовки. Спина болела, глазам требовалась темнота, в сознании уже оставались только признаки и шум. Вере хотелось закончить работу; по требованиям метода цикл следовало продолжить.

К четырём часам пришёл второй предварительный результат. Слабее первого, но с той же невозможной развилкой. Пустые контроли чистые. Повреждения древние. Она закрыла глаза на несколько секунд, положив ладонь на край стола. В памяти поднялся другой стол, больничный, с пластиковой папкой, где лежали анализы Лады. Тогда всё тоже было предварительным: воспаление, усталость, инфекция, подождём, пересдадим, посмотрим в динамике. Вера тогда была младше на пятнадцать лет и ещё верила в старших так, как молодые врачи верят в людей, уверенно произносящих латинские слова. Окончательный диагноз пришёл в выписке после вскрытия. С тех пор окончательность стала для неё формой запоздалой жестокости.

Она убрала ладонь со стола и открыла файл со вторым результатом.

Скелет XV века, мужчина, 35–45. Пульпа зуба. Патоген с признаками поздней ветви. Повреждения древней ДНК. Контроли чистые. На левой локтевой кости — след, удалённый из чистового акта как механическое повреждение.

Вера записала всё в лабораторный журнал сухой строкой: в ней отсутствовали восклицательные знаки, оценочные слова и та внутренняя дрожь, которая уже начинала мешать пальцам. В графе “предварительный вывод” она вывела медленно, разборчиво:

Необходима повторная валидация. Хронологическое положение выявленного патогенного сигнала противоречит датировке образца.

Она перечитала строку. Слишком осторожно. Слишком верно.

За окнами корпуса обозначилась синяя полоса раннего света; дневная суeta ещё не началась, но трамвайные провода уже выделялись над двором, и в соседнем корпусе включили лестничную лампу. Вера сняла перчатки, положила их в контейнер для отходов, закрыла журнал и повернулась к экрану, где красная метка ПП-15/17 оставалась среди поздних ветвей после первой ночи проверки.

Она знала порядок действий. Повторить. Ослепить дубликат. Проверить маршрут. Запросить снимки. Сравнить кость. Выдержать вывод. Удержать слова, которые невозможно забрать назад.

Но слово уже существовало в ней, сухое и тяжёлое, как обломок дентина под пинцетом.

Будущее.

Вера наклонилась к экрану, будто за красной меткой можно было рассмотреть человека из Песоцкой ниши: его стёртые зубы, большую левую сторону, руку с тонким знаком на кости, смерть, которую он принял шесть веков назад. Если данные сохранятся, придётся признать: он умер от болезни, чья родословная должна была начаться много позднее его могилы.

Она закрыла дерево, оставив на рабочем столе только номер образца.

ПП-15/17.

Пятнадцатый скелет. Семнадцатый пакет. Псковская земля. Северная ниша.

Вера взяла ручку и рядом с восьмым пунктом списка добавила девятый:

Найти, кто убрал слово “знак”.

Глава вторая. Пустой контроль

На втором этаже института, за закрытым для посетителей переходом, размещалась старая анатомическая галерея: узкое помещение с высоким потолком, застеклёнными шкафами, двумя рядами чугунных кронштейнов и кафедрой, которую после ремонта оставили из-за отсутствия денег на демонтаж. При царской больнице здесь обучали судебных врачей, в двадцатые годы читали лекции о социальной гигиене, в эвакуационных сороковых держали ящики с препаратами и перевязочным материалом; теперь вдоль стен стояли коробки с археологическими коллекциями, гипсовые слепки травмированных черепов, два макета средневековых могильников и шкаф с влажными препаратами, откуда при слабой вентиляции выходил спиртовой запах.

Вера сидела за кафедрой, за которой когда-то разбирали свежую смерть, и просматривала распечатки ночного прогона. На доске за её спиной остались следы мела: кто-то из студентов прошлой осенью рисовал схему черепных швов и бросил недотёртую латынь — *sutura sagittalis*, *sutura coronalis*, пунктирная линия по темени. От прежних слов сохранился серый налёт на чёрной поверхности доски. Вера любила эту галерею за неуместность: здесь все эпохи учреждения находились в одном слое, без музейной вежливости. Имперская кафедра, советская лампа, пластиковые контейнеры, цифровой планшет, кость из монастырской ниши, коробка с наконечниками для дозатора.

Ночной результат был разложен на четыре стопки. Первичные данные. Отфильтрованные чтения. Контроли. Сопоставление с референсными деревьями. Бумага нужна была ей для замедления мысли: экран слишком быстро предлагал уверенность, а распечатка возвращала результату вещественную бедность. Пятна тонера, обрезанные подписи осей, полосы покрытия, мелкие таблицы — всё это снижало соблазн произнести крупное слово раньше срока. На первой странице красная метка ПП-15/17 стояла в поздней ветви. На второй — снова там. На третьей — там же, после строгого набора признаков. Ошибка, способная повторить себя в трёх разных вариантах, требовала уважения и ненависти одновременно.

Нина явилась без стука, с картонным стаканом в одной руке и планшетом в другой. На шапке у неё висел бейджик конференции трёхлетней давности; вместо фамилии там значилось «Участник», и Нина носила его в дни, когда ей хотелось напомнить институту о собственной неопределённости.

— Я принесла кофе в коридор, как просили. В чистую зону занесла только своё моральное разложение.

Вера подняла глаза от распечаток.

— Оно сертифицировано?

— После аспирантуры у него бессрочная аккредитация.

Нина поставила стакан на подоконник, раскрыла планшет и приблизилась к кафедре. Несколько секунд она смотрела на дерево без шутки, быстро, жадно, с той цифровой внимательностью, которую Вера уважала больше многих докторских степеней.

— Сколько прогонов?

— Два извлечения. Три сборки. Четыре варианта фильтрации.

— Контроли?

Вера подвинула ей третью стопку.

Нина перелистнула страницы, провела пальцем по таблице, остановилась на пустых строках. В её молчании стало тесно.

— Чисто, — наконец произнесла она. — Совсем чисто.

— Совсем бывает в рекламе дезинфекции.

— Ладно. На уровне, где я уже не могу спасти нас лабораторной грязью. Индексное перетекание?

— Слабое по карельской серии, вне этих индексов. Для Пскова следа нет.

— База?

— Меняла.

— Референс?

— Меняла.

— Длины?

— Древние.

— Повреждения?

— Древние.

Нина вытянула из-под распечаток лист с полевой фотографией локтевой кости.

— А это что за царапина?

— В дневнике Ветрова — «знак?». В чистовом акте — повреждение при расчистке.

— Удобная эволюция формулировки.

— У формулировок естественный отбор жёстче, чем у организмов.

Нина уселась на край соседнего стола, хотя по правилам на нём хранились только контейнеры. Она выглядела собранной; все признаки бессонной паники у неё обычно уходили в скорость речи, но сейчас скорость исчезла.

— Что мы делаем?

— Повторяем. Независимый участок зуба уже пошёл. Запрошу петрозную часть, если её не отправили в музейный фонд. Дубликат — в Новосибирск под слепым кодом.

— Новосибирск спросит, почему срочно.

— Пусть думают про чуму.

— А если это она?

— Тогда она ведёт себя как образец, которому перепутали век.

— Перепутали кость?

— Датировка по слою, сопроводительная археология, состояние материала, повреждения ДНК — всё придётся проверять. Самая дешёвая гипотеза: современное загрязнение. Пока она плохо держится.

Нина постучала ногтем по красной метке.

— Самая дорогая гипотеза: кто-то вырастил древность с признаками будущего.

Вера задержала взгляд на её пальце.

— Сначала исключим глупость. Злой ум требует расходов, а глупость бесплатна.

— У нас как раз на неё хватает средств.

Вера убрала полевую фотографию в папку. Нина пользовалась жанрами как средствами лабораторной психотерапии. Научный ужас, по её классификации, начинался там, где контроль оставался пустым.

Внутренний телефон на стене издал короткий звонок. В галерее этот звук казался школьным: металлический, старый, требовательный. Нина поморщилась.

— Дирекция?

Вера взяла трубку.

— Северова.

Голос секретаря Кругловой, всегда похожий на официальное письмо, сообщил, что Раиса Давыдовна просит Веру Андреевну зайти. Формула “просит зайти” в институтском языке соответствовала приказу с мягкой обложкой.

— Я спущусь через десять минут.

— Раиса Давыдовна просит сейчас.

— Тогда через пять.

Она повесила трубку.

Нина соскользнула со стола.

— Мне стереть тебя из журналов и объявить, что ты уехала в экспедицию?

— Подготовь таблицу по контролям. Короткую. Без юмора.

— Это нанесёт таблице ущерб.

— Таблица выдержит.

Коридор к директорскому крылу проходил через старую часть корпуса, где стены были толще, окна уже, а двери тяжелее. При дневном свете институт утрачивал ночную цельность и распадался на ведомственные зоны: лаборатория с пластиковыми табличками, музейный отдел с витринами, бухгалтерия с календарём производственного года, лестница с объявлением о санитарной обработке, читальный уголок для аспирантов, где всегда лежали забытые шарфы, кружки и сборники конференций с пустыми титульными амбициями. Вера шла мимо шкафов с коллекциями травм: пулевые отверстия, зажившие переломы, трепанации, патологические разрастания; кости располагались за стеклом с музейной неподвижностью, но она всякий раз мысленно исправляла старые этикетки, добавляла степень вероятности, возраст, пол, сопутствующие изменения. Работа въедалась в зрение: мир становился набором следов, и отдых от этого зрения существовал только во сне.

У поворота висели портреты прежних директоров. Масло потемнело, лаки дали мелкую сетку; академики в мундирах и пиджаках, женщины в строгих платьях, один военный врач с орденскими планками. Под портретами стояла витрина с подаренными институту предметами: бронзовая медаль выставки народного хозяйства, засохшая авторучка с табличкой “принадлежала профессору Баранову”, прибор для измерения черепов, от которого современные студенты отводили взгляд, если знали историю антропометрии. Вера задержалась на мгновение перед витриной. В истории старых наук редко наступал полный разрыв: язык менялся, формулы очищались, позор переносили в сноски. Ошибки оставались в приборах, актах, коллекциях, уважительных биографиях.

Кабинет Кругловой находился в бывшей комнате главного врача. Высокие окна выходили во двор, где стояли два контейнера для строительного мусора, служебная машина и кривой ряд лип. На стенах — дипломы, фотографии экспедиций, благодарности от музеев, карта региональных проектов. На отдельной полке за стеклом лежали папки с золотыми наклейками грантовых программ; рядом — кипа серых служебных дел, перевязанных хлопковой тесьмой. Круглова любила этот контраст и умела использовать его в разговорах: золото показывало возможности, серый картон — цену.

Раиса Давыдовна стояла у окна с папкой в руках. Плотное тёмное платье, янтарные бусы, волосы, убранные в тяжёлый узел. У неё была особая манера неподвижности: в ней ощущалась административная выносливость, нажитая за десятилетия переговоров с людьми, которые считали науку либо роскошью, либо источником нужной им справки.

— Вера Андреевна, у нас с вами разные представления о сроках.

— У нас разные адресаты результата.

— Адресат один: учреждение, которое обязано исполнить договор.

— Договор не отменяет валидацию.

Круглова положила папку на стол. На верхнем листе стоял логотип фонда “Возврат”, ниже — формулировка о совместном проекте по исторической эпидемиологии монастырских комплексов Псковской земли. Вера уже видела этот документ, но в кабинете директора он приобретал иной вес: у бумаги была сила распоряжения, а данные без подписи выглядели сырьём для будущего конфликта.

— Мне звонили из фонда, — Круглова постучала пальцем по верхней строке. — Лев Николаевич лично интересовался, на каком этапе анализ.

Имя прозвучало впервые за день, хотя деньги Арсеньева уже присутствовали в приборах, договорах, командировках, коробках для хранения и в том сервисном контракте, который удерживал секвенатор от превращения в музейный экспонат. Лев Николаевич Арсеньев. Основатель биотехнологической группы “Альтаир”, попечитель реставрационных проектов, человек с речами о возвращении исторической памяти в научный оборот. Вера видела его на фотографии: седой, сухой, в тёмном костюме, рядом с губернатором и настоятелем на фоне строительных лесов.

- У анализа нет этапа, подходящего для личного интереса мецената.
- Есть предварительное служебное сообщение.
- В нём будет одна фраза: материал в работе, выводы преждевременны.
- Этого мало.
- Для науки достаточно.

Круглова сняла очки, положила их на папку и потёрла переносицу.

— Вы каждый раз произносите “наука” так, будто я торгую пирожками на вокзале. Этот институт пережил три реорганизации, два слияния, одну попытку выселения и семь лет без нормального финансирования. Люди здесь получают зарплату с задержками и всё равно приходят к своим костям, пробиркам, студентам, потому что кто-то берёт трубку, подписывает унизительные письма, улыбается людям с деньгами и делает вид, что партнёрство равно уважению.

- Партнёрство не даёт права на первичные массивы.
- Не употребляйте это выражение в официальном ответе. Они слышат в нём презрение.
- Оно там есть.
- Вот именно.

Вера подошла к столу, взяла копию сопроводительного акта. В нижней части стоял маршрут передачи: Песочная пустынь — Псковский музейный центр — Северо-Западный институт исторической патологии. Подписи, печати, даты. На отдельном листе — приложение о срочном режиме, утверждённое до поступления образца. Вера отметила это раньше, но теперь дата отдельно выделилась: срочность оформили за два дня до того, как Ветров подписал полевой акт на скелет ПП-15.

- Почему приложение датировано раньше акта?
- Круглова взяла лист, слишком быстро нашла нужную строку.
- Общий пакет по костнице готовили заранее.
 - Здесь указан номер ПП-15/17.
 - Номера могли внести при регистрации.
 - Кто вносил?
 - Секретариат проекта. Или музейный центр. Я не веду каждую накладную.
 - Нужно выяснить.

Директор опустилась в кресло. Дерево за окном дробилось в стекле на тёмные ветви, за стеклопакетом двигались рабочие в оранжевых жилетах; их жесты через двойное стекло выглядели медленными, лишёнными звука. В кабинете было тепло, даже душно, и бумажный запах стоял плотнее, чем в галерее.

- Что вы нашли?
- Вера положила акт на стол.
- Сигнал патогена.
 - Какого?
 - Исторически ожидаемого для мора. Предварительно.
 - Это хорошая новость для проекта.
 - Слишком рано.
 - Вера.

Фамилия исчезла, должность тоже. Круглова пользовалась именем редко; в нём появлялась усталость без должностной формы.

— Мне нужны основания для задержки отчёта.

— Хронологическое положение сигнала странное.

— Переведите.

— Если результат подтвердится, образец окажется филогенетически поздним для XV века.

— Загрязнение?

— Проверяем. Пока контрольные серии чистые.

— Лабораторная ошибка?

— Проверяем.

— Ошибка датировки?

— Проверяем.

Круглова сжала очки в руке.

— Вы понимаете, как это прозвучит снаружи?

— Поэтому снаружи ничего не прозвучит.

— Фонд вложил деньги в проект. Они потребуют доступ к промежуточным данным.

— Пусть потребуют письменно.

— Они умеют писать вежливо. От вежливых писем бывают самые тяжёлые последствия.

— От плохих данных последствия тяжелее.

Круглова посмотрела на неё долго, без привычного раздражения. В этом взгляде Вера увидела страх, и он был честнее всех директорских аргументов. Раиса Давыдовна боялась сенсации в той мере, в какой сенсацию можно было использовать, перевести в грант, закрыть прессой, оформить конференцией. Гораздо сильнее она боялась неуправляемого результата, способного вскрыть все слабые места учреждения: кто допустил материал, кто подписал срочность, кто дал внешние доступы, кто хранил резервные образцы, кто отвечал за чистую зону. У бедной науки каждая ошибка получала характер преступления, потому что средств на безупречность у неё давно не было.

— Сколько вам нужно? — голос директора стал ниже.

— Три дня на повтор. Неделя на независимую проверку.

— Три дня я могу удержать. Неделю — с боем.

— Значит, начните бой.

Круглова открыла верхний ящик стола, вынула визитку на плотной бумаге и протянула Вере.

— На вечер назначен закрытый созвон с фондом. Там будет научный координатор Арсеньева. Если я отвечу “задержка без объяснений”, они придут сами. Если я отвечу “возможная контаминация”, они потребуют весь пакет. Если я отвечу “аномалия”, они начнут задавать вопросы, на которые у нас нет безопасных ответов.

Вера прочитала имя: *Даниил Беркутов, директор программ исторической геномики*. Ниже — номер, почта, эмблема “Возврата”: стилизованная раскрытая ладонь с точкой в центре. На печати псковского проекта точка казалась декоративной. На визитке, в чёрном тиснении, она выглядела как место укола.

— Отвечайте: требуется уточнение археологического контекста. Без него генетические данные неполны.

— Это правда?

— Достаточная.

Круглова вернула очки на нос.

— Вы слишком любите слова, которые можно подписать.

— Я люблю слова, за которые можно отвечать.

На этом разговор закончился. Вера вышла с копией приложения и визиткой Беркутова. В коридоре уже начались дневные перемещения: лаборантка несла штативы, бухгалтер разговаривала по громкой связи, студент с пакетом пирожков просил у охранника пропуск, из музейной комнаты вывозили витрину. В обычное рабочее время институт казался учреждением, которое занимается множеством малых задач и через это защищается от главного вопроса: что именно оно хранит и кому может это отдать.

У двери галереи Нина ждала с ноутбуком под мышкой.

— Есть новость. Я удержалась от юмора в таблице. Испытываю профессиональное обеднение.

— Контроли?

— Пустые. Все. Я ещё подняла старые фоновые профили по последним пяти сериям, чтобы найти хоть какую-нибудь родню этому чуду. Ничего похожего. Наши обычные грехи: кожа, почва, реагентная мелочь, один вечный стафилококк из партии колонок. Псковская штука туда не входит.

— Запусти проверку по индексам вручную.

— Уже. И ещё: я глянула метаданные файлов от Ветрова.

Вера остановилась.

— Зачем?

— Потому что у меня от этой истории чесались внутренние аудиторы. В оригиналах фотографий есть серия, которой нет в официальном архиве. Номера перескакивают: IMG_4218, 4219, 4223. Пропали три кадра.

— Ошибка выгрузки?

— Возможно. Я написала Ветрову с просьбой дослать исходники всей серии. Он прислал одну фразу: “лучше позвоните”.

Нина протянула телефон. На экране висел номер Марка Ветрова и сообщение, пришедшее семь минут назад. Вера перечитала его дважды. Археолог, которого она знала по прежним проектам, редко драматизировал. Если он писал “лучше позвоните”, значит, рядом с письмами стоял кто-то третий или документ уже был исправлен.

— Звонила?

— Нет. Это твоя ругань, я пока младшая.

— Умная младшая.

— Запишите в характеристику.

Они перешли в костную комнату. Здесь дневной шум института ослабевал за двумя дверями, и воздух становился сухим от картона, полиэтилена и старых шкафов. Длинные металлические стеллажи делили помещение на проходы; на каждой полке — коробки с маркировкой: Карелия-12, Тверь-Посад, Новгород-дет., Псков-Песоцк. Некоторые были новыми, с чистыми наклейками и штрихкодами; другие пережили десятки переездов, их углы укрепляли скотчем и полосами ткани. Вера знала, какие коробки брать за дно, какие открывать только на столе, в каких лежат черепа, пересыпанные старой ватой, где берцовые кости уложены по сторонам, где недостающие фрагменты отмечены красным карандашом на инвентарной карточке. Эта комната была её настоящей библиотекой. Бумагу можно было переписать, цифровой файл — заменить, легенду — согласовать. Кость сохраняла следы иначе: грубо, неполно, без уважения к удобству живых.

Псковский комплект стоял в нижнем ряду, в отдельном пластиковом боксе с пломбами музея. Вера распечатала акт вскрытия, включила настольную камеру, вскрыла пломбу под запись. Нина заняла место у ноутбука, готовая фиксировать номер каждого пакета. Из бокса извлекли длинную картонную коробку с левой рукой: плечевая, лучевая, локтевая, кости кисти, часть ребра, два небольших фрагмента без уверенной атрибуции.

Локтевая кость лежала в индивидуальном пакете. Вера перенесла её на чёрную подложку, установила боковой свет и наклонилась.

На фотографии след выглядел тонкой линией. В действительности он оказался сложнее: узкий вход, короткий ход по поверхности, затем уход в компактную ткань с едва заметной полировкой по одному краю. Цвет отличался от свежего повреждения при раскопе; старые участки кости и линия находились в одной гамме, без светлого скола, характерного для недавнего инструмента. Это ещё не доказывало прижизненность, но снимало удобную версию о расчисточном ножике.

Нина стояла сбоку, уже без шуток.

— Похоже на намеренное.

— Похоже на след острого инструмента.

— Ты сейчас прячешься за формулировкой.

— Формулировка — единственный безопасный способ выйти из комнаты с костью и не начать исповедовать её.

— Глубина?

— Надо смотреть под микроскопом и на томографии. Края старые. Свежей царапины нет.

— Ветров это видел?

— Видел. Написал “знак”.

Вера достала из папки копию чистового акта, положила рядом с костью. В документе исчезло всё, что могло заставить задержаться: отдельность положения стала “особенностью северной ниши”, насечка — “механическим повреждением”, отсутствие трёх фотографий растворилось в общем перечне вложений. Никакой грубой подделки. Только аккуратное выравнивание фактов до безопасной поверхности.

Она сняла серию собственных фотографий. Боковой свет, шкала, общий план, макро. Затем положила кость в держатель для микроскопа. На увеличении линия превратилась в светлую долину между двумя краями; внутри сохранились микрочастицы минерального заполнения, а у одного края виднелось уплотнение ткани, требующее отдельной проверки. Вера несколько секунд смотрела в окуляр, забыв о Нине.

— Что там?

— Возможно, ремоделирование.

— При жизни?

— Возможно.

Слово осталось между ними как острый предмет, положенный на стол без футляра.

Нина медленно отошла к компьютеру. За стеной кто-то громко смеялся, видимо, в музейном отделе; смех, пропущенный через две двери, стал коротким ударом по тишине. Вера подняла голову от микроскопа. Ей показалось странным, что в том же здании люди могут обсуждать обед, заявки, отпуск, мелкие административные неприятности, пока на чёрной подложке лежит кость с линией, нанесённой древнему человеку до смерти. Никакой мистики в этом не было. Только древнее насилие, пережившее смысл.

Телефон Нины зажёгся. Она прочла сообщение и повернула экран к Вере.

Исходники отправить не могу. Архив проекта забрали на сверку. По ПП-15 звоните с личного. М.В.

— Забрали на сверку, — повторила Нина. — После такой процедуры в документах появляется дисциплина.

Вера сняла перчатки, вышла в маленький предбанник костной комнаты и набрала номер Ветрова со своего телефона. Связь прошла не сразу: длинные гудки, обрыв, повтор. Наконец в трубке возник шум улицы и голос археолога, хриплый, с осторожностью на каждом слове.

— Вера Андреевна?

— Марк, что с исходниками?

— Сейчас неудобно.

— Тогда отвечайте коротко. Кто забрал архив проекта?

— Координаторы реставрации.

— Фонд?

Пауза получилась длиннее ответа.

— Не по телефону.

— По ПП-15 вы писали “знак”. Почему в акте повреждение?

— Я не правил чистовик.

— Кто правил?

— В музейном центре делали сводную версию. Мне прислали на согласование уже после отправки. Я был в поле.

— Вы согласовали?

— Подписал общий акт. Без перечитывания каждой строки.

На этот раз молчала Вера.

— Да, знаю, — Ветров выдохнул в трубку. — Можете не объяснять. Там четыре комиссии, два батюшки, строители с техникой, районная администрация и человек из фонда. Если я начинаю спорить по каждой царапине, раскоп закрывают, кости уезжают в подвал, а объект консервируют до следующего века.

— У вас сохранились удалённые фотографии?

— На личной карте. Три кадра. Отправлю вечером, когда буду дома.

— Нужны сейчас.

— Сейчас рядом люди. И ещё, Вера Андреевна... ПП-15 выбрали для вашего института до окончательной нумерации.

— Откуда вы знаете?

— Слышал разговор. Тогда подумал, что речь о партии образцов. Сейчас уже не уверен.

— Кто выбирал?

Ветров несколько секунд молчал. На заднем плане хлопнула автомобильная дверь.

— Координатор фонда. Фамилию не помню, не хочу гадать. Приедете — покажу полевой блокнот.

— Когда?

— Завтра. Лучше без официального запроса.

Связь оборвалась. Вера осталась в предбаннике с телефоном в руке и с видом на костную комнату через стекло: Нина стояла над локтевой костью, руки в перчатках, голова склонена к микроскопу; на чёрной подложке белел фрагмент человеческого предплечья, где тонкая линия делила старую ткань на две области. Вера впервые за эти сутки ощутила, что дело выходит из области ошибки и входит в область намерения.

Она вернулась к столу.

— Едем в Псков, — отозвалась она.

Нина подняла голову.

— Мы?

— Я. Ты остаёшься с контролями и дубликатом.

— Несправедливо. Я первая произнесла “ересь”.

— За это получаешь власть над таблицами.

— Таблицы не заменяют командировку.

— Командировка будет официально называться уточнением археологического контекста.

В ней нет приключений.

— У всех приключений сначала нет приключений.

Вера убрала локтевую кость в пакет, но перед тем ещё раз посмотрела на линию. В увеличении она утратила всякую символическую красоту. Никакого знака, пригодного для кулона или печати. Лишь короткий след режущего края, поставленный в нужном месте, под нужным углом, достаточно глубоко, чтобы пережить смерть, землю, перенос, музейную упаковку, акт с поправками и готовность объявить его случайностью.

Вечером дубликат ушёл в Новосибирск под кодом К-37, без псковского происхождения, без названия монастыря, без упоминания фонда. Нина лично проверила загрузку файлов, отправила зашифрованный архив и распечатала подтверждение, которое Вера вложила в отдельную папку. В сопроводительном письме значилось только: “Просим провести независимую оценку древности и таксономического положения патогенного сигнала”. Сухие слова, хорошо приспособленные для выживания в канцелярии.

Круглова получила короткую справку: *материал требует расширенной проверки археологического контекста ввиду расхождения первичных молекулярных данных с предварительной датировкой*. Директор прочла её при Вере, взяла ручку, зачеркнула “расхождения”, написала “уточнения”, затем взглянула поверх очков.

- Так нас хотя бы не расстреляют на созвоне.
- Из научного оружия у них только вопросы.
- Вы мало общались с людьми, у которых есть деньги.
- Достаточно, чтобы закрывать от них первичные массивы.

Круглова оставила справку в папке и поставила подпись. Это была маленькая победа, но Вера знала цену маленьких побед в учреждениях с плохим финансированием: каждая вносилась в невидимый счёт, который однажды предъявляли целиком.

Когда рабочий день закончился, институт опустел не сразу. Дольше всех задержались бухгалтерия, Нина и уборщица тётя Валя, которая знала расписание всех лабораторий точнее охраны и могла по походке определить, кто из аспирантов несёт запрещённый чай в чистую зону. Вера прошла по коридору к анатомической галерее, чтобы забрать распечатки. Вечерний свет делал помещение глубже: шкафы уходили в темноту, стекло отражало длинные полосы окон, гипсовые черепа теряли учебную белизну. На кафедре лежали четыре стопки ночных данных. Рядом Нина оставила новую записку, прижатую степлером:

Пустой контроль — худшая новость дня. В нём нет спасительной лжи.

Вера свернула записку и положила в карман. Затем собрала распечатки, погасила верхний свет и задержалась у шкафа с препаратами. За стеклом в старых цилиндрах находились фрагменты тканей, собранные людьми, чьи фамилии давно перешли в инвентарные номера. На пожелтевших этикетках значились диагнозы старой школы, некоторые давно отменённые, некоторые уточнённые, некоторые стыдные. В истории науки тоже копились остатки заблуждений: спирт, подпись, печать, осторожный почерк лаборанта.

Вера закрыла галерею и спустилась к выходу. У охраны её ждал конверт без марки, переданный курьером из Псковского музейного центра. В журнале доставки стояла подпись незнакомого водителя и время: 18:40. Внутри лежала копия недостающего приложения к полевому акту — сводная схема северной ниши, напечатанная на музейном бланке. В правом нижнем углу мелким шрифтом был указан получатель первичного анализа: *СЗИИП, лаборатория В.А. Северовой*.

Дата на бланке предшествовала открытию ПП-15 на три дня.

Вера положила лист обратно в конверт. На улице уже темно; за дверью института стоял ряд служебных машин, фонари давали плоский желтоватый свет, и окна второго этажа отражались в лужах талого снега. Она поймала себя на желании немедленно вернуться к экрану, к таблицам, к контролям, к той области, где всякая тревога обязана иметь численное выражение. Но конверт в руке относился к другому порядку фактов. Его невозможно было отфильтровать по длине фрагментов, сопоставить с референсом, списать на реагентную грязь.

Образец выбрали до того, как он получил номер.

Псковский человек из северной ниши ещё лежал в земле, а в чём-то документе уже было указано имя Веры.

Она вышла за ворота института, прижимая конверт к папке с пустыми контролями. Впереди оставались дорога на Псков, разговор с Ветровым, исчезнувшие фотографии и кость с линией, поставленной при жизни. За спиной — старый корпус, где в галерее под тёмной доской сохранилась латинская надпись о черепных швах.

Вера подумала о швах как о единственном честном устройстве тела: кости сходятся, оставляя границу видимой. Документы сходились иначе. В них граница исчезала первой.

Глава третья. Северная ниша

На железнодорожной платформе Пскова часы показывали 5:42; зелёные цифры над кассовым залом придавали предрассветному часу служебную точность, странную среди облещенных скамеек, закрытых киосков и редких пассажиров, расхившихся по привокзальной площади с усталым вниманием людей после ночного поезда. Вера вышла из вагона с дорожной сумкой, папкой под мышкой и конвертом из музейного центра во внутреннем кармане пальто. На перроне лежали островки серого снега, в трещинах плитки стояла талая вода, электрический свет гасил остатки ночи полосами, от которых все предметы казались плоскими: чемоданы, колёса тележек, вывеска буфета, плечи солдата у автомата с напитками.

В Петербурге результат оставался в экране и на бумаге, окружённый контролями, журналами, индексами, правом на повторную проверку. Здесь он получал пространство. Псковская земля была уже в тёмных окнах пригородных домов, в просветах между складами, в силуэте церкви за грузовой веткой, в низкой линии горизонта, где белёсый свет стущался над полями. Вера редко испытывала к древним местам благоговение: профессиональное зрение быстро отделяло кладку от легенды, позднюю реставрацию от старого камня, красивую табличку от слоя, в котором лежал материал. В Пскове всякая поздняя надпись выглядела временной. Камень, земля, вода, низкие храмы с тяжёлыми главами и звонницами давали иную меру срока; шестьсот лет здесь утрачивали отвлечённость датировки и становились расстоянием между двумя участками одной дороги.

Марк Ветров ждал у края площади, рядом с серым внедорожником, где на заднем сиденье лежали штатив, сапёрная лопатка, рулон полиэтилена, две папки и термос. За ночь щетина у него стала гуще, под глазами легли тени, на рукаве полевого пуховика засохла глина. Он поднял руку без приветственной бодрости, забрал у Веры сумку и открыл пассажирскую дверь.

— Сначала к объекту, — произнесла Вера. — Блокнот покажете там.

— В музее безопаснее.

— Безопасность уже отредактировала акт.

Ветров посмотрел на неё поверх дверцы, задержал взгляд на папке и кивнул.

— Тогда поедем короткой дорогой. До восьми у северной стены людей меньше.

За стеклом машины сменялись станционные склады, пустые остановки, кирпичные дома с вывесками аптек, затем просвет к реке, башня, белая стена кремля, соборная громада, поставленная высоко над водой. Псковские храмы в предрассветном свете были строги и телесны: кубы четвериков, тяжёлые апсиды, тёмные окна, узкие барабаны под главами. В них отсутствовала столичная театральность; камень и известь составляли грамматику с короткими формами, где всякий лишний изгиб выглядел бы ошибкой. У стен оставались следы разных ремонтов, эпох, строительных привычек, и эта разновременность давала городу суровый рельеф.

Вера смотрела на белые объёмы, на серые полосы воды у набережной, на кресты, которые в рассветном свете казались надрезами на небе, и думала о человеке из северной ниши: он мог видеть эти же места в иных границах, до многих башен, до имперских дорог, до музейных бланков, но с тем же речным ветром, с той же каменной теснотой, с той же необходимостью выбирать, где хоронить умерших во время мора.

— Вы нашли патоген? — Ветров держал руль обеими руками, хотя дорога была пустой.

— Предварительный сигнал.

— Ясно.

— Вам ясно больше, чем вы сообщили в документах.

Он усмехнулся без веселья.

— Документы пишут для тех, кто придёт проверять. Блокнот ведут для земли.

— В вашем блокноте было слово “знак”.

— Было.

— Кто убрал?

— Сводный акт готовили в музейном центре вместе с координаторами реставрации. Я получил чистовик на подпись в день, когда у нас сорвало крепление временного настила и комиссия требовала закрыть северный шурф. Подписал весь пакет.

— Координаторы фонда?

— Беркутов приезжал. С ним был инженер, геофизик или кто-то из таких. Они ходили с распечатками сканов, показывали пальцем на северное прясло. Слишком уверенно для людей, впервые приехавших на объект.

— Когда?

— За три дня до того, как мы вышли на нишу.

Вера вынула из папки копию приложения с датой и именем её лаборатории, положила на колени. Бумага, прошедшая через поезд и утро, сохраняла канцелярскую чистоту; в правом углу получатель был впечатан без исправлений.

— Образец был назначен до находки.

— Я этого боялся, — Ветров выругался вполголоса, без адреса. — На площадке это выглядело как обычная фондовая суета. Им надо открыть стену, снять кино, показать спасение наследия. Такие люди всегда знают, где встать перед камерой. Я думал, они угадывают ради красивого кадра.

— Они знали, где искать.

— Или делали вид.

— Разница появится в нише.

После центра дорога ушла к северо-западу, между низких поселковых домов, складов, пустых участков с бурьяном, затем к полям, где чернели полосы старой пашни и стояли берёзовые посадки. Облака висели низким слоем, свет поднимался без тепла. За городом архитектура быстро уступила пространству, и Псковская земля стала просторной, суровой, с длинными линиями, где человек и его постройки занимали малую часть вида. Деревни появлялись на минуту: несколько домов, автобусная остановка, часовня, заборы, склад дров, спутниковая тарелка на фасаде, детская площадка с облупленной горкой. Между ними тянулись поля, сосняки на песчаных возвышениях, овраги, старые кладбища с металлическими оградами и крестами разных десятилетий.

Вера знала: именно такие места редко получают право на готику в привычных жанровых представлениях, где ужасу требуется замок или дворец. Здесь готика имела другую материю: извесь под ногтем реставратора, излом полевой дороги, слабую линию фундамента под травой, многовековую близость смерти к труду, лесу, воде, пашне и дороге на Новгород.

Никольская Песоцкая пустынь показалась за соснами без торжественного въезда. Сначала возник строительный забор с логотипом фонда “Возврат”, затем бытовки, штабель досок, навес для камня, металлические леса у северной стены и белая церковь с единственной тёмной главой. Монастырский комплекс был мал: ограда, церковь, низкий братский корпус, полуразобранная звонница, остатки хозяйственного двора. Песчаный склон за стеной уходил к оврагу; в срезе земли виднелись слои: серо-жёлтый песок, тёмная прослойка пожара, каменная подсыпка, фрагменты кирпича позднего ремонта. Северная стена дала трещину по линии старого фундамента, и реставраторы раскрыли основание, где под обвалом обнаружилась костница.

Вера вышла из машины и несколько секунд смотрела на комплекс целиком, стараясь отделить сцену от устройства. Строительные леса, синие тенты, провода, генератор, пластиковые ящики, сигнальная лента — всё современное стояло на поверхности, временное, громоздкое, самоуверенное. Под ним находился порядок старше всякого проекта: церковь на песке, захоронения, кладка, северная ниша, положение тела. У настоящего было больше бумаги,

больше проводов, больше голосов, больше права на немедленное распоряжение; от прошлого оставались следы, и для работы с ними требовались люди с терпением.

У бытовки стояла девушка в куртке фонда, с планшетом и свёрнутой миллиметровой бумагой. Короткие светлые волосы выбились из-под вязаной шапки, на шее висел карандаш на шнурке, на манжетах были следы известковой пыли. Она увидела Ветрова, быстро спрятала листы в тубус, затем заметила Веру и смутилась.

— Полина Громова, студентка-реставратор, — представил Ветров. — Она первой увидела линию на кости.

Полина протянула руку в перчатке, спохватилась, сняла перчатку, снова протянула. Вера пожала ладонь: пальцы холодные, ногти коротко срезаны, на костяшках белые следы от пыли.

— Вы были при расчистке ПП-15? — спросила Вера.

— Я делала зарисовку северной ниши. Марк Сергеевич позвал, когда вышла левая рука. На кости была линия, и на камне рядом тоже. Я подумала, что это метка строителей, но кость лежала слишком близко.

— На каком камне?

Полина обернулась к северной стене.

— Внутри. На боковом блоке. В чистовом плане его обозначили как позднюю вставку.

Ветров резко глянул на неё.

— Полина, ты уверена?

— Я сама чертила. У меня копия в планшете.

— С какого времени копия у тебя?

— С первого дня. Я сохраняла локально. После проверки сетевого архива часть слоёв исчезла, а мой планшет в сеть тогда не вышел, аккумулятор сел.

Ветров провёл ладонью по затылку, оставляя на шапке след песка.

— Хорошо, когда техника отключается вовремя.

Полина раскрыла планшет. На экране появилась схема ниши с координатной сеткой, камнями кладки, контуром скелета, отметками высот. Девушка работала точно: линия левой локтевой кости была нанесена отдельным штрихом, а на боковом блоке, у запястья, стояла короткая наклонная метка. Вера увеличила изображение. Угол совпадал с насечкой на кости в пределах глаза, но глаз в таких вещах лгал охотно; требовалась измерительная проверка. Однако само наличие второй метки уже меняло дело. След на кости утрачивал одиночность.

— Почему в официальной версии блока нет? — Вера перевела взгляд на Ветрова.

— Потому что камень сняли до итоговой фотофиксации.

— Кто распорядился?

Ветров повернулся к Полине. Та опустила планшет.

— Даниил Игоревич, координатор фонда, — тихо ответила она. — Он говорил, что блок аварийный и держит осыпь. Его увезли в реставрационный ангар.

— Сейчас он где?

— В ангаре, если его не отправили.

— Идёмте.

Реставрационный ангар стоял за братским корпусом, в бывшем хозяйственном дворе. Его собрали из металлических секций и прозрачных вставок; внутри на стеллажах лежали камни с бирками, фрагменты кирпича, деревянные элементы, очищенные от земли, мешки с известковым раствором, рулоны геотекстиля. Пространство было слишком новым для монастыря, и в этой новизне присутствовала особая грубость временных сооружений: они допускают любое вмешательство под видом спасения. На столе у входа лежал журнал перемещения каменных элементов. Ветров пролистал страницы, нашёл северную стену, ряд блоков, дату демонтажа.

— Блок С-Н-4, — произнесла Полина, уже подходя к третьему стеллажу.

На деревянных подкладках лежал известняковый камень длиной около полуметра, с тёмной прослойкой по краю и номером мелом. Один угол был сбит; на боковой поверхности виднелась короткая насечка, поставленная под тем же углом, что на кости. Вера надела перчатки, приложила масштабную линейку, наклонилась. След был старый, заполненный минеральной пылью, края утратили свежесть. На камне оставалась единственная черта; привычный символический язык здесь не использовался. Просто линия. На камне она выглядела ещё беднее, чем на кости, и от этого убедительнее.

— Фотографируйте, — обратилась Вера к Полине. — Общий план, боковой свет, масштаб, номер стеллажа, журнал.

Полина начала снимать быстро и без вопросов. Ветров стоял рядом, сжав полевой блокнот, будто держал вещественное доказательство против себя самого.

— Я должен был заметить второй штрих, — проговорил он.

— Вы заметили первый.

— Первый я не удержал.

Вера сделала собственные снимки, затем открыла на планшете фотографию локтевой кости, сопоставила угол. Совпадение ещё требовало расчёта, но направление было ясным. Кость и камень составляли пару. Их функция относилась к положению: две сопряжённые риски на детали и гнезде. Человека уложили так, чтобы его отмеченная кость оказалась рядом с отмеченным блоком.

— Северная ниша была подготовлена, — произнесла Вера.

— До смерти? — Полина держала планшет у груди.

— До захоронения. Этого достаточно.

— И тело выбрали под нишу?

Вера убрала телефон. На такой вопрос нельзя было отвечать без данных, но из устройства сцены уже следовал вектор проверки.

— Ведите меня вниз.

Вход в костницу находился за северным пряслем, под навесом из досок и прозрачного покрытия. Реставраторы поставили временную дверь, укрепили откосы, вывели кабель для ламп и датчик температуры. На стене у входа висел лист допуска, где имена Ветрова и Полины уже были вписаны; Вера добавила свою фамилию, учреждение, время. На отметке влажности карандашом стояло 82%. Вера машинально запомнила цифру: для кости плохо, для древней ДНК в закрытом зубе терпимо, для строительной комиссии тревожно, для фонда удобно.

Ступени вели вниз через узкий проход, где приходилось пригибаться. Электрические лампы давали жёлтые участки света, между ними оставались густые тени. Стены состояли из грубой кладки, песка, поздних подпорок, местами — из досок временного крепления. На камнях выступали соли. Внизу воздух был холоднее; датчик у входа показывал семь градусов. Вера задержалась на первой площадке, чтобы глаза привыкли к слабому свету. В таких местах легко было принять атмосферу за доказательство: низкий свод, кости, северная стена, церковная земля, следы мора. Она заставила себя смотреть по порядку: проход, крепления, пол, маркировка, положение ниш, следы демонтажа, современные вмешательства, зоны разрушения.

Костница была меньше, чем она представляла по снимкам. Общая камера уходила вдоль стены, с боковыми углублениями, где кости разных периодов лежали уже в коробах после первичной сортировки. В дальнем конце находилась северная ниша ПП-15 — прямоугольное углубление в песчаном материке, укреплённое каменными блоками. Теперь там оставался пустой контур тела, отмеченный пластиковыми флажками и нитями сетки. На дне — отпечатки от костей, участки более тёмной земли, несколько мелких фрагментов, оставленных до завершения выборки. Без скелета ниша выглядела страшнее: человеческая форма сохранялась в пустоте, как негатив.

Вера присела у края и открыла фотографии до изытия. Череп вправо, левая рука вдоль корпуса, локтевая кость близко к боковому блоку, отметка на камне у нижней трети предплечья. Она посмотрела на дно ниши, затем на боковую кладку. После снятия блока С-Н-4 там оставался прямоугольный разрыв. За ним открывался слой более старой подсыпки, где попадались мелкие угольки и известь. Полина включила боковой фонарь.

— Здесь, — она показала карандашом на место снятого блока. — А выше ещё был короткий штрих на материке, я его не успела снять как следует.

— Почему?

— Нас попросили освободить зону для укрепления.

— Кто попросил?

Полина провела пальцем по экрану планшета, открыла серию снимков.

— Беркутов.

На фотографии мужчина в тёмной куртке стоял у входа в костницу, рядом с ним — инженер в каске и человек с папкой. Координатора можно было узнать: гладко выбритый подбородок, аккуратные очки, волосы, зачёсанные назад, улыбка без участия глаз. Вера видела такие улыбки на грантовых комиссиях: они помогали произносить слова “партнёрство” в момент, когда речь шла о контроле.

— Он спускался сюда? — спросила Вера.

— Да. Несколько раз, — ответил Ветров. — В первый день до открытия ниши. Сказал, что инженерный риск у северного блока выше, чем на схеме.

— Здесь нет инженерного риска такого типа, — Ветров ударил ботинком по нижнему ступу. — Камень работал как закладка, но свод держался выше. Его можно было снять после фиксации. Спешка шла из другого места.

Вера обернулась к нише. Если кость и камень составляли пару, отсутствующий блок был ключом к положению тела, а его ранний демонтаж убирал из официальной сцены связь между двумя отметками. Чистый акт превращал подготовленное захоронение в археологическую особенность. Отдельность тела — в удобство ниши. Насечку — в повреждение. Предварительно выбранный маршрут анализа — в срочную логистику. Ложь здесь принимала форму редактуры: она оставляла факты, лишая их взаимного расположения.

Полина стояла у края ниши, сжимая планшет. При слабом свете она казалась младше своих лет; куртка фонда была ей велика, на рукаве белела нашивка “Возврат. Псковская программа”. Вера впервые задержала внимание на этой нашивке. Для студентки она была пропуском к делу, к практике, к будущей профессии. Для фонда — знаком присутствия на теле места.

— Вы работали с ПП-15 без респиратора? — спросила Вера.

Полина удивилась.

— В первые дни все были в респираторах из-за пыли. После выборки — когда фотографировали, иногда снимали. Там же кость сухая, древняя.

Ветров резко повернулся.

— Что случилось?

— Пока ничего. Перечислите всех, кто имел прямой контакт с нишей.

— Есть журнал.

— Мне нужна копия.

— Официально?

— Сейчас.

Он вынул телефон, начал листать фотографии журнала. Вера тем временем осмотрела дно ниши. В одном углу, где правая стопа ПП-15 упиралась в песчаную кромку, виднелся маленький фрагмент кости или камня, пропущенный при выборке. Она подняла его пинцетом из набора Ветрова и положила на стерильную салфетку. Фрагмент оказался кусочком пястной

кости, размером с ногтевую фалангу, с участком кортикальной поверхности. На боковой грани проходила крошечная линия — менее ясная, чем на локтевой, но с тем же углом.

Вера почувствовала, как внутри складывается новая форма вопроса.

— Это из ПП-15?

Ветров присел рядом.

— Положение у стопы. Возможно, примесь из общего слоя.

— На пястной кости тоже след.

Полина включила фонарь ярче. Линия проявилась под углом света: короткая, тонкая, на пределе видимости. Человека отметили в нескольких местах или в нишу попали фрагменты другого отмеченного тела. Оба варианта разрушали удобство одиночной царапины.

Вера упаковывала фрагмент по всем правилам, когда сверху послышались голоса. Один голос принадлежал рабочему, другой был незнакомым, спокойным и поставленным; такие голоса хорошо проходили через комиссии и переговорные комнаты. Ветров поднялся первым.

— Координатор.

— Беркутов?

— Да.

— Он знал, что я приеду?

— Я никому не писал.

— Директор могла.

— Круглова?

— Или музейный центр.

Вера закрыла пакет, поставила время и подпись. Пустая костница, снятый блок, исчезнувшие фотографии, датированное заранее приложение, чистые контроли, пястная кость с новым штрихом — всё это уже связывалось в последовательность, но последовательность ещё не имела мотива. Для мотива требовался человек, который понимал ценность именно её лабораторного вывода.

Они поднялись наружу. У северной стены стояли трое: рабочий в каске, человек из охраны объекта и Даниил Беркутов, тот самый координатор с фотографии. Вблизи он выглядел моложе Ветрова, лет около сорока; тёмное пальто без складок, кожаная папка, аккуратные очки, перчатки тонкой кожи. На строительной площадке его одежда выглядела странно и через эту странность властно: он принадлежал уровню распоряжений, где земля, реставрация, археология и биологический материал существуют как маршруты согласования.

— Вера Андреевна, — он шагнул навстречу и протянул руку. — Даниил Беркутов, фонд “Возврат”. Рад, что вы решили сами увидеть контекст.

Вера задержала рукопожатие. На его губах сохранилась деловая улыбка, но взгляд уже оценивал её папку, пакет в руках, Полинин планшет, Ветрова рядом.

— Интересно, кто сообщил вам о моём решении, — произнесла она.

Беркутов убрал руку без смущения.

— У нас маленький проект. Важные перемещения становятся известны быстро.

— Особенно те, которые проходили вне проектных каналов.

— Вы приехали к нашему объекту, к нашему партнёру, по нашему материалу. Канал уже существует.

Ветров шагнул ближе.

— Даниил Игоревич, северная ниша в археологической зоне. Доступ к научной части я согласовал.

— Конечно, Марк Сергеевич. Фонд всегда поддерживает научную часть. При условии соблюдения процедуры.

Полина медленно закрыла планшет. Беркутов заметил движение.

— Полина, вас ждут у южного фасада. Там нужна зарисовка по кирпичной кладке.

— Я сейчас занята с Марком Сергеевичем.

— Ваш руководитель по реставрационной практике уже в курсе.

Вера впервые увидела страх девушки без прямого проявления: пальцы крепче обхватили тубус, плечи стали выше, взгляд ушёл к Ветрову. Студентка понимала зависимость быстрее, чем взрослые успевали её оформить словами.

— Полина останется, — проговорила Вера. — Её полевые материалы относятся к ПП-15.

— Материалы проекта хранятся в общем архиве фонда и музейного центра.

— Её локальные зарисовки пока входят в категорию личных рабочих записей. Для изъятия потребуется основание.

Беркутов перевёл взгляд на Веру. Его улыбка сохранила форму, но утратила тепло окончательно.

— Вы очень внимательно относитесь к границам.

— Моя профессия с них начинается.

— Тогда вы понимаете, что предварительные молекулярные результаты также имеют границы распространения.

— Поэтому фонд их не получит.

Тишина вокруг северной стены стала плотнее из-за прекращения мелких рабочих шумов. Один из реставраторов, проходивший с ящиком инструментов, замедлил шаг и ушёл за бытовку. Ветров стоял рядом с Верой; его напряжение относилось и к Беркутову, и к собственной подписи в актах.

— Мы уважаем неподтверждённый характер ваших данных, — мягко проговорил Беркутов. — Лев Николаевич ценит вашу репутацию именно за осторожность. Однако фонд несёт ответственность перед партнёрами, и любые отклонения от графика должны иметь внятное объяснение.

— Запишите: уточнение археологического контекста.

— Это уже записано. Вопрос в причине.

— Причина появится в официальном запросе.

— Вы привезли запрос?

— Я привезла глаза.

Ветров шумно выдохнул. Полина опустила взгляд к земле, скрывая улыбку. Беркутов коротко посмотрел на девушку, и улыбка исчезла.

— Понимаю. Тогда попрошу вас воздержаться от перемещения элементов с объекта без регистрации в общем журнале.

Вера подняла пакет с фрагментом кости.

— Зарегистрируем у Марка Сергеевича и продублируем в акте института.

— Все перемещения согласуются с фондом.

— Биологический материал согласуется с научным руководителем исследования.

— По договору научным руководителем является ваша дирекция.

— По предмету исследования отвечаю я.

Беркутов закрыл папку. Больше он не улыбался.

— Вера Андреевна, я надеюсь, у нас не возникнет недоразумений. Скелет ПП-15 представляет значительную ценность для всего проекта, и фонд заинтересован в сохранности материала.

— Сохранность начинается с полной фиксации. Включая снятый блок С-Н-4 и удалённые фотографии.

Пауза длилась меньше секунды, но Вере хватило её длины. В костях малое значило больше крупного; в людях часто так же.

— Блок находится в реставрационном хранении, — произнёс Беркутов. — Фотографии проходят сверку.

— Завершите сверку до моего запроса.

— Вы получите всё, что предусмотрено процедурой.

— Тогда процедуру придётся расширить.

Он кивнул, как человек, оставляющий разговор для другого уровня власти.

— Передам вашу позицию Льву Николаевичу.

Имя Арсеньева возникло у северной стены Песочкой пустыни буднично, без торжества, и от этого стало ошутимее. В Петербурге оно было строкой в договоре, сервисным контрактом, логотипом на визитке. Здесь — в месте, где кость и камень сошлись линией, — имя получило пространственную связь с нишей.

Беркутов отошёл к охране, достал телефон. Полина быстро открыла тубус, вынула несколько листов миллиметровой бумаги и передала Вере.

— Заберите, пожалуйста. Копии есть, но эти первые.

— Вы уверены?

— После сегодняшнего у меня их попросят.

Вера взяла листы. На одном была зарисовка северной ниши до демонтажа блока: тело ПП-15, положение руки, отметка на локтевой кости, короткий штрих на блоке С-Н-4, второй штрих выше, на материковой стенке. На полях Полина мелко подписала: *“след расчистки сомнителен; направление повторяется”*. Для студентки такая фраза была риском: лишняя наблюдательность редко нравилась людям, которые уже подготовили чистовик.

— Сделайте ещё копию и отправьте себе на почту вне проектного домена, — велела Вера.

— Уже.

— Хорошо.

Ветров оформил фрагмент в журнале, сделал снимки пакета, добавил примечание о выявлении дополнительной насечки на малой кости из зоны ПП-15. Он писал быстро, нажимая ручкой до вдавленных букв; каждая строка выглядела попыткой вернуть в документ то, что вчера было из него изъято.

Когда они вышли за ограду к машине, солнце поднялось достаточно, чтобы белая церковь утратила предрассветную серость. При дневном свете Песочная пустынь выглядела скромнее и беднее: леса, трещины, бытовки, разбросанные поддоны, грязные колеи, синяя плёнка на окне братского корпуса. Но Вера уже видела под этой строительной обыденностью другую конструкцию: нишу как ячейку, блок как сопряжённую деталь, кость как отмеченный элемент, документы как инструмент снятия связи.

Ветров сел за руль, но двигатель оставил выключенным. Некоторое время он перебирал страницы блокнота, затем вырвал один лист, передумал, сфотографировал разворот целиком и протянул Вере сам блокнот.

— Берите до вечера. Там весь день ПП-15. И запись про Беркутова.

— Почему отдаёте сейчас?

— Потому что вечером у меня его могут запросить официально. А официально я стану вежливым человеком и начну копировать вместо памяти.

Вера взяла блокнот. На обложке стояли пятна земли, углы размягчились от полевой работы, резинка была растянута. Внутри почерк Ветрова шёл ломаными строками, с сокращениями, стрелками, матерными пометами для самого себя. Страница по ПП-15 содержала схему ниши и короткую запись: *“Лев. локт. — знак? Камень рядом тоже. Полина снять до демонтажа. Беркутов торопит С-Н-4. Странный интерес к Северов.”*

Последнее слово было записано без инициалов, будто фамилия уже прозвучала на площадке до привязки к лаборатории.

— Что значит “странный интерес”? — спросила Вера.

Ветров завёл машину. Двигатель резко заполнил салон низкой вибрацией.

— Беркутов спросил, вы ли будете вести анализ. Я ответил, что в Петербурге решит дирекция. Он поправил: “желательно, чтобы именно Северова”. Я тогда подумал, фонд начитался ваших статей.

— Когда это было?

— За день до вскрытия ниши.

За день до вскрытия ниши. За три дня до номера ПП-15. До акта, до зуба, до пустых контролей, до красной метки на дереве. Вера открыла конверт из музейного центра, снова посмотрела на дату приложения, затем на запись Ветрова. В двух разных документах, официальном и полевом, её фамилия стояла раньше самого события.

Машина тронулась от Песоцкой пустыни к дороге. За оградой остались церковь, северная стена, ангар с блоком, костница, Полина у бытовки, Беркутов с телефоном. Вера смотрела в боковое стекло на песчаный склон, где между соснами виднелась линия старого вала. В геологии, в археологии, в кости, в бюрократии повторение превращало единичное в систему. Два документа с преждевременной фамилией уже составляли систему.

Она достала телефон и написала Нине:

Добавь к списку проверок: кто и когда выбрал меня.

Ответ пришёл через минуту:

Ересь получила администратора ?

Вера посмотрела на полевой блокнот на коленях. На развороте, рядом с отметкой “знак?”, Ветров нарисовал маленькую схему: линия на кости, линия на камне, стрелка к северу. Под стрелкой было одно слово, перечёркнутое, но читаемое.

Метка.

Она закрыла блокнот.

— Марк Сергеевич, — обратилась Вера, не отрывая взгляда от дороги, — кто ещё слышал вопрос Беркутова обо мне?

— Полина. И настоятель. Возможно, инженер.

— Настоятеля нужно найти.

Ветров кивнул.

— Отец Герман в братском корпусе. Только с ним сложнее.

— Почему?

— Он считает, что северную нишу трогали уже в старину. И что ПП-15 лежал там по особому правилу.

— По какому?

Ветров повернул на дорогу к городу.

— Он покажет книгу. Монастырскую опись. Там одно место заложено словом, которое никто не может прочесть уверенно. Музейщики перевели как “песчаная кладовая”. Отец Герман настаивает на другом варианте.

— Каком?

— Костный сосуд.

Вера закрыла глаза на одну секунду, чтобы сдержать быстрый ответ. Слово, произнесённое в машине на дороге к Пскову, слишком хорошо подходило ко всему, что уже произошло, и именно поэтому заслуживало недоверия.

Но под пальцами у неё лежал блокнот с преждевременной фамилией, а в сумке — пакет с малой костью, где линия повторялась.

Глава четвёртая. Чёрная работа

На восковой дощечке перед Тихоном Песочником помещались три столбца: имена заболевших, день жара, знак исхода. В первом столбце буквы шли тесно, с обрывами и сокращениями, во втором — зарубки, в третьем — крошечные кресты, кружки, наклонные черты и пустые места, оставленные для тех, чья плоть ещё спорила с поветрием. Дощечка была тёплой от ладони; воск тянулся за костяным стилем тонкими завитками, и вся волость, от посадской заставы до лесных дворов за песчаным увалом, умещалась в этом тёмном прямоугольнике, где человек терял отчество раньше дыхания.

Тихон велел приносить имена раньше тел. Сначала надлежало записать, кто лёг с жаром, у кого выступили подмышечные опухоли, кто бредил о воде, кто просил открыть дверь, кто умер до третьего дня, кто пережил седьмой. Братия считала такие записи странностью лекаря, принятой по необходимости: инок умел вскрывать нарывы, ставить банки, готовить уксусные протирания, различать падучую, скорбутную слабость, горячечную кровь и старческое истощение. В годы здоровые его держали при огороде, при травах, при больничной келье для нищих; в год поветрия вся обитель неволью стала его мастерской, а северная подклеть у стены — местом, куда ходили лишь двое.

Снаружи, за монастырской оградой, сгушалась осенняя темнота: песчаную дорогу к городу разбивали колёса, у заставы жгли одежду умерших, на торгу закрывали ряды, из дальних деревень приходили люди с мешками и просьбами принять детей. На стене у ворот висела доска с именами дворов, откуда братии запрещалось брать хлеб; под ней дежурил послушник с рогатиной, больше для вида, чем для силы. В обители говорили тише, чем прежде, будто громкий голос мог привлечь дурной воздух. К полудню колокол бил редко, с длинными промежутками, чтобы звонари успевали спуститься со звонницы и вымыть руки в уксусной воде.

Тихон уксусу доверял меньше, чем наблюдению, хотя пользовался им чаще всякого иного средства. Соль, известь, огонь, чистая ткань, отдельное место, запрет на общую посуду — всё это работало лучше молитвенного спора о причине кары. О причине спорили игумен, посадские старосты, вдовы, сторожа у ворот; Тихон записывал дни, припухлости, цвет языка, жажду, сыпь, смерть, выздоровление, повтор. В его тетради на старой бумаге, привезённой когда-то немецким гостем через Ригу, рядом с русскими словами стояло латинское *putrefactio*, списанное неверной рукой и обведённое углём. Под ним Тихон вывел: **чёрная работа**. Разложение было страшным лишь для тех, кто видел в нём конец; лекарь видел в нём открытую грамоту вещества. В гниении тело показывало то, что скрывало при жизни: места слабости, ход жара, глубину отравленной крови, разницу между смертью скорой и смертью, готовившейся днями.

У северной стены, где песок держал сухость лучше глины, Тихон устроил малую подклеть. Вход закрывался деревянной дверью с железной скобой, ключ хранился у него под поясом. Внутри находились стол из двух досок, печная чаша для угля, глиняные сосуды с известью, уксусом, золой, полотняные свёртки, ножи для нарывов, костяная игла, медная мерка, стило и каменная плита, на которой он царапал знаки прежде, чем переносить их в тетрадь. Брат Савватий, назначенный помогать, боялся подклети и всякий раз крестился у порога.

— Мёртвых за стену надо, — твердил он, подавая Тихону воду. — В яму, с известью. Так воевода велел.

— Всех в яму — значит, всех забыть, — отвечал Тихон.

Савватий понимал это как жалость к именам. Для Тихона речь шла о порядке. Общая яма годилась для страха, для власти, для быстрого счёта погибших; она уничтожала различие, без которого всякое наблюдение превращалось в слух. С колокольни поветрие выглядело единым бедствием. Внизу, у постелей и тел, случаи делились на виды: в одном дворе опухали пахи, в

другом человек чернел на второй день, в третьем оставались живы дети, в четвёртом погибали только те, кто мыл умерших. Эти различия требовали памяти точнее братской молитвы.

Первым сосудом стал обычный плотник. Его звали Лука Селифонов, плотник из слободы у песчаного оврага, лет сорока, с левой рукой, иссечённой давними занозами, и зубами, сточенными грубым хлебом. Он пришёл сам, после того как вынес из дома жену и старшую дочь. На третий день жара у него открылась опухоль под правой рукой; к пятому опухоль прорвалась, к седьмому жар снизился. Тихон записал: жив, пьёт, просит хлеба, кожа жёлтая, глаза ясны. На десятый день плотник поднялся с лавки и потребовал топор, чтобы закрыть гробовую яму для соседей. У других после такого жара оставалась только земля. В Луке болезнь словно дошла до края и повернула внутрь.

Тихон видел подобное трижды за лето и дважды прошлой весной. Выжившие несли в себе след, скрытый от братского взгляда. Они становились тише, худели у ключиц, ночами просыпались от боли в костях, через месяц могли снова лечь с жаром, но умирали иначе: без опухолей, с сухим кашлем, с кровью у губ, с синеватой тенью под ногтями. Тихон записывал, сравнивал, перечёркивал. В латинской тетради рядом с рисунком дракона, свернувшегося кольцом, стояла строка: *materia redit in se ipsam*. Материя возвращается в самое себя. Немецкий лекарь переводил это как тайну металлов; Тихон видел в людях. У болезни существовал возвратный ход.

Луку привели к нему вечером, когда колокол уже смолк и у ворот сняли караул. Плотник шёл, опираясь на младшего брата; под рубахой левая рука висела тяжело, хотя ран на ней не было. Тихон усадил его на лавку, ощупал шею, подмышки, пахи, посмотрел язык, белки глаз, дёсны, ногти. Брату велел ждать за дверью. Лука не спорил. После смерти семьи спорить с лекарем ему было нечем.

На столе лежал узкий нож, прокалённый в углях и остуженный в уксусе. Тихон взял левое предплечье плотника, нашёл место, где кость ближе всего подходит к коже, и прижал большим пальцем. Лука вздрогнул.

— Кровь открыть? — спросил он.

— Память открыть, — произнёс Тихон.

Плотник не понял, но кивнул. У людей, переживших мор в собственном доме, согласие часто возникало из усталости: им оставалось меньше страха перед болью, чем перед пустыми сенями.

Надрез вышел коротким. Кожа разошлась узкой щелью, кровь показалась сразу, тёмная, густая. Тихон развёл края костяной иглой, лезвием коснулся белой поверхности под тканью и сделал одну наклонную черту, неглубокую, с начальным нажимом и коротким сходом. Лука сжал зубы; из горла вышел глухой звук, но он удержал руку. Тихон приложил к ране ткань с золой и известью, перевязал льняной полосой, на дощечке рядом с именем вывел такой же знак. Снаружи Савватий читал псалом быстрее обычного, сбиваясь на каждом третьем стихе.

— На что мне это? — Лука смотрел на перевязь.

— Если жар вернётся, узнаю путь.

— А если не вернётся?

Тихон завязал узел.

— Тогда знак заживёт.

В те недели он отметил ещё двоих: девочку из посадского двора, пережившую опухоль за ухом, и старого рыбака, у которого жар ушёл после кровавого поноса. Девочка умерла через четыре дня от слабости; рыбак пропал, его семья ушла к родственникам за реку. Лука остался. Он приходил к стене дважды: Тихон снимал повязку, смотрел, как рана стягивается, как по краю возникает твёрдая полоска. Наклонная черта ушла под кожу, снаружи остался рубец с коркой; под пальцем сохранялся твёрдый валик. На восковой дощечке знак Луки Тихон обвёл кружком.

Игумен узнал о надresaх от Савватия и пришёл в подклеть после вечернего правила. Старец был сух, стар, с голосом, привыкшим к послушанию; в руке держал лестовку, в другой — свечу. Он осмотрел стол, сосуды, ножи, дощечки, тетрадь с латинскими словами; руки оставил на лестовке.

— Людей режешь без нужды, — произнёс он.

— Нужда видна позже.

— Позже видит Бог.

— Бог видит и сейчас. Мне оставлены глаза меньше.

Игумен перевёл взгляд на каменную плиту со знаками.

— Это от книг латинских?

— От тел.

— Тело после смерти земле принадлежит.

— Земле принадлежит вещество. Порядок смерти остаётся тем, кто должен остановить следующую.

Старец долго молчал. В Песоцкой пустыни власть игумена держалась уставом и памятью: он пережил голод, набег, пожар в трапезной, две зимы, когда братия ела кору с мукой, и один прежний мор, забравший половину окрестных дворов. Он понимал цену запрета и цену знания, хотя называл их иначе.

— До бесовской черты близко, Тихон.

— Я черту ставлю на кости, владыко, чтобы бесы ходили по счёту.

Савватий, стоявший у двери, резко втянул воздух. Игумен взглянул на него, и послушник опустил голову.

— Без моего слова вход в подклеть закрыт, — распорядился старец. — И каждое погребение — с именем. Даже в отдельном месте.

Так Тихон получил разрешение, выраженное как запрет. Для монастыря этого хватало.

В начале зимы случаи переменились. Умерших с опухолями стало меньше; в больничной келье появились люди с сухим жаром, болью в груди, чёрными пятнами на коже у плеч и рёбер. Они умирали быстрее, чем Тихон успевал записывать. Из Пскова пришёл человек с грамотой: у заставы велели задерживать возы из морных дворов, одежду кипятить, дома запирасть, беглых возвращать. Приказ укрепил страх, но не дал понимания. В трапезной читали о гневe Божьем; в подклети Тихон считал дни между первым жаром и смертью.

Лука Селифонов вернулся в Песоцкую пустынь на праздник Николы, уже без брата. Рубаха на нём висела широко, под глазами легла тёмная синева, дыхание прерывалось после каждого подъёма. Он принёс монастырю две доски и связку деревянных клиньев, извиняясь, что силы ушли. Тихон увидел его у ворот и сразу понял: болезнь возвращалась другим путём. Опухолей не было. Жар держался внутри, руки дрожали, губы пересыхали, левое предплечье у старого рубца болело так, что Лука придерживал его правой ладонью.

В больничной келье плотник лежал три дня. На второй Тихон разрезал повязку рубца, осмотрел кожу, нащупал под ней твёрдую черту и записал: знак держится. На третий Лука попросил вынести его к стене, чтобы видеть сосны за оврагом. Братия отказала; наружу выводили только тех, кто мог вернуться своими ногами. К вечеру он умер, без крика, с открытыми глазами, направленными к малому окну.

Савватий хотел вынести тело к общей яме за оградой. Тихон остановил его у порога.

— Северная ниша.

Послушник побледнел.

— Там место для камня.

— Для него.

— Игумен велел имена.

— Имя будет.

Они обмыли тело в больничной келье, сменили рубаху, руки вытянули вдоль корпуса. Тихон осмотрел зубы; два коренных шатались, один был с тёмной полостью, но левый нижний премоляр стоял крепко. Он коснулся его костяной палочкой и отметил в тетради: зуб цел. Зуб казался ему малым запёртым сосудом внутри большого: через него проходила внутренняя кровь, в нём сохранялась сухая сердцевина, защищённая от земли лучше открытой кости. В латинской книге сосудом называли стекло, реторту, яйцо, утробу, печь; в человеческом теле свои сосуды находились без стекла. Кровь уходила, плоть распадалась, зуб оставался замком.

Северную нишу подготовили ночью. Песчаный материк у стены давал удобный прямоугольный карман, открытый при разборе старой подпорки. Тихон выбрал боковой блок из известняка и на его внутренней стороне поставил тот же наклонный штрих, что на кости Луки. Затем поставил второй штрих выше, на плотной стенке песка, прижав стило так, чтобы знак сохранился после засыпки. Савватий держал свечу, пальцы у него дрожали, воск капал на доску, огонёк уходил в сторону от каждого движения воздуха.

— Зачем камень метить? — прошептал он.

— Чтобы положение осталось при теле, — ответил Тихон.

Он понял опасность собственных слов сразу, но исправлять их было поздно. Савватий крестился, прижимая свечу к груди. Тихон взял себя в руки и заговорил иначе, суше, как лекарь у стола:

— Чтобы всякий, кто откроет, нашёл положение. Кость без места — слепая буква.

Тело Луки опустили вдвоём. Левая рука легла вдоль боку, отмеченное предплечье оказалось у блока С-Н-4, штрих против штриха. Череп повернули вправо, так как шея уже застыла в этом положении; ноги вытянули по узкой длине ниши. Тихон положил у стопы маленький фрагмент кости из коробки наблюдений — пястную кость девочки, отмеченной летом и умершей через четыре дня. Этот поступок он не записал. Он сам не знал, был ли то способ связать два случая или слабость человека, которому хотелось дать ребёнку место рядом с тем, кто пережил первую смерть и дошёл до второй. На фрагменте также была наклонная черта. В дальнейшем она могла стать ключом, ошибкой, соблазном, уликой; для Тихона она была повтором.

Савватий увидел движение.

— Это чья кость?

— Из больничной коробки.

— Так нельзя.

— Можно то, что удержит различие.

— Различие удерживает Господь.

— Господь удержит душу. Я удержу порядок.

Они засыпали нишу песком и известковой крошкой, положили блок на место, подклинили камнем, закрыли стык глиной. Тихон вёл работу без молитвенного пения; слова мешали точности. Когда всё завершилось, он записал в тетради: Лука Селифонов, плотник, первый жар с опухолью, выжил, второй жар без опухоли, смерть на третий день, зуб цел, левая кость отмечена, север. Рядом поставил знак: короткую наклонную черту с расширением у начала.

В графе исхода он оставил пустое место.

Пустое место оказалось важнее креста. Крест означал смерть одного человека. Пустое место означало, что опыт не завершён.

На следующий день игумен пришёл к северной стене, долго смотрел на свежую кладку и на Тихона, стоявшего с опущенными руками. У старца имелся дар различать непослушание до прямого признания; он не спрашивал лишнего, так как ответ мог потребовать наказания, для которого у обители не оставалось сил.

— Имя внесёшь в помянник, — потребовал он.

— Уже внёс.

— И в опись место внесёшь. Чтобы после тебя знали, где хоронить нельзя.

Тихон поклонился.

— Как назвать?

Игумен повернулся к северной стене. В щелях кладки белела известь; на песке у подножия оставались следы их ночной работы, которые следовало замести до прихода рабочих послушников.

— Пиши: кладовая костная.

Тихон поднял голову. Старец смотрел на кладку, голос его был глух и тяжёл.

— Костная кладовая, владыко?

— Нет. Костный сосуд.

Савватий, стоявший позади, снова перекрестился. Тихон склонился ниже, чтобы скрыть выражение глаз. Он просил слово для места и получил слово, которое переживёт их всех, если бумага уцелеет, если мыши не съедят край, если писарь через сто лет поймёт буквы, если будущие люди станут открывать землю лопатой и счётом.

Вечером он переписал опись начисто. Писал медленно, каллиграфическим уставом, без тех сокращений, которыми пользовался в дощечках. На полях, где место позволяло поставить только служебную отметку, вывел малую наклонную черту, похожую на след ножа. Затем посыпал строку песком, стряхнул лишнее, закрыл книгу и положил её в верхний ларь больничной кельи вместе с латинской тетрадью, списком умерших и дощечкой, где воск уже начал темнеть от многократных исправлений.

Через неделю у ворот нашли ещё двоих с повторным жаром. Через месяц пришла весть из Пскова: на дороге к Новгороду ставят новую заставу. К весне умер Савватий, до конца уверенный, что северная стена держит в себе грех Тихона. Игумен ослеп на один глаз. Песочная пустынь пережила поветрие с половиной братии, тремя опустевшими деревянными и стеной, в которой одно место получило имя, опасное для всякого, кто умел читать слишком внимательно.

Тихон продолжал записи до тех пор, пока рука держала стило. Он больше не называл Луку первым сосудом вслух. В тетради этого слова тоже избегал, заменяя его знаками, столбцами, числами дней, положением тела, зубом, севером, чертой. Слова легко попадали к людям, знаки дольше оставались при деле.

В последнюю зиму, когда поветрие ушло с дороги и осталось лишь в памяти вдов, Тихон часто спускался к северной стене один. Он ставил ладонь на блок С-Н-4 и проверял стык, будто мог по холодному камню узнать, сохранился ли порядок под песком. Вера такого жеста через шесть веков уже не увидит; археологи снимут только кладку, нишу, кость, положение руки, линию на локтевой, короткий штрих на блоке. От его тревоги не останется вещества. Вещество останется от ножа.

Однажды он раскрыл латинскую тетрадь на рисунке дракона, свернувшегося кольцом, и зачеркнул рядом перевод о металлах. Ниже вывел по-русски:

Если чёрная работа завершена, белое явится в кости.

Смысл этой строки был опасен даже для него. Она могла означать надежду на очищение. Она могла означать проверку смерти. Она могла дать будущему человеку право продолжить опыт, начатый от страха и записанный как забота. Тихон положил нож поверх страницы и долго сидел без движения, пока свеча не укоротилась до медной чашечки.

Затем он снял нож, закрыл книгу и убрал её обратно в ларь. Черта на странице осталась.

Глава пятая. Второй прогон

В обратном поезде Вера разложила на столике купе три вещи: полевой блокнот Марка Ветрова, листы Полины Громовой с зарисовкой северной ниши и прозрачный пакет с малой костью, найденной у стоп ПП-15. В коридоре гремели стаканы в подстаканниках, проводница проверяла билеты у поздних пассажиров, за стеклом чередовались чёрные поля, станционные фонари, редкие дома у насыпи, сосновые полосы на горизонте. Ночной путь обладал полезным свойством: он возвращал событие из речи в предметы. Днём у северной стены было слишком много людей, интонаций, осторожных формулировок, ведомственных зависимостей; в купе оставались бумага, кость, почерк, снимок, дата.

Блокнот Ветрова был грубее всякого официального акта и оттого ценнее. На разворотах с Песочкой пустыню графит впивался в бумагу с нажимом полевого человека: стрелки, высоты, номера блоков, обрывы фраз, поспешные рисунки, нечёткие сокращения. Там, где музейный бланк давал нейтральное “особенность северной ниши”, Ветров писал: “положение задано”. Там, где чистовой акт указывал “механическое повреждение”, стояло: “знак?”. Там, где приложение к договору уже назначало лабораторию Веры получателем будущего образца, блокнот фиксировал вопрос Беркутова о ней за день до вскрытия ниши.

Вера провела пальцем по строке, не касаясь графита. Археологический почерк имел свою правду: он возникал раньше компромисса, раньше редактуры, раньше согласования с теми, кто видел в земле площадку проекта. Полевые записи делались при свете фонаря, на колене, у края шурфа; в них могли быть ошибки, но в них оставалась первая форма внимания. Официальный документ нередко рождался уже после страха перед последствиями.

Листы Полины выглядели иначе: аккуратная сетка, тонкие линии, отдельная легенда, выносные отметки, координаты. На полях студентка поставила короткую фразу: “направление повторяется”. В этих двух словах Вера слышала будущую неприятность для всех взрослых участников проекта. Повторение превращало царяпину в систему, систему — в вопрос о намерении, вопрос о намерении — в необходимость искать того, кто знал ответ до раскопа.

Она достала пакет с малой костью и положила рядом с лампой. Фрагмент пястной был невыразительным: узкая пластинка кортикальной ткани, часть суставного края, тёмное минеральное включение, короткая линия на боковой поверхности. Без контекста его легко приняли бы за примесь из общего слоя, за полевую мелочь, достойную сухой сноски. В контексте северной ниши он становился вторым подтверждением той же схемы. Вера тут же остановила эту мысль. На кости был след. Достаточно.

В Пскове Ветров предлагал остаться до встречи с отцом Германом, настоятелем Песочкой пустыни, хранившим копию монастырской описи. Вера отказалась. Опись могла подождать сутки, научная проверка — нет. Слишком много людей уже знали о её приезде, слишком быстро координатор фонда оказался у северной стены, слишком уверенно он говорил о границах материалов. Нужно было возвращать дело в область, где всякая фантазия обязана пройти через прибор.

Ночь в вагоне тянулась долгими остановками. Вера читала блокнот до рези в глазах, переписала в отдельный файл все преждевременные упоминания своей фамилии, составила таблицу перемещений: день сканирования северной стены; приезд Беркутова; вопрос о лаборатории; демонтаж блока С-Н-4; вскрытие ниши; регистрация ПП-15; приложение к договору с её именем; отправка зуба в Петербург. Линия событий выглядела как коридор, построенный заранее для одного пакета с человеческим остатком. В конце коридора стоял её рабочий стол.

К утру поезд вошёл в Петербург под свинцовым небом. За окнами пошли резкие фасады вдоль подъездных путей, стены депо, кирпичные корпуса, трубы котельных, мосты через каналы. После Псковской земли Петербург выглядел чрезмерно составленным из плоскостей

и распоряжений: прямые улицы, высокие стены, дворы с закрытыми воротами, окна в один строй, гранит на набережных. В этом городе даже старость имела административную форму. Институт, расположенный за больничным садом, соответствовал ему: бывший морг, приспособленный под историческую патологию, здание для окончательных выводов, где окончательность каждый день откладывали ради методической осторожности.

Нина ждала у служебного входа с термосом, ноутбуком и выражением военной готовности в движениях. Волосы у неё торчали из-под шапки короткими прядями, на куртке висела карточка допуска, выданная для другого корпуса.

— Ты привезла кость или сюжетное проклятие? — осведомилась она, отбирая у Веры папку.

— И то, и другое требует маркировки.

— Директор уже дважды спрашивала, где ты. Я сообщила, что в пути с уточнённым археологическим контекстом. Это звучит как болезнь, передающаяся через акты.

— Дубликат в Новосибирске?

— Получили. Обещают первичную оценку к вечеру. Тебя ждёт ещё одно удовольствие: Псковский музей прислал разрешение на осмотр черепа, но без разрушительного отбора. Круглова говорит, что череп принадлежит культуре, фонд говорит, что проекту, музей говорит, что государству, а мы с тобой пока можем принадлежать только трудовому распорядку.

— Второй зуб?

— Есть. Нижний моляр из того же комплекта, закрытая пульпа, кариес поверхностный. Я ничего не вскрывала без тебя, хотя нравственное падение было близко.

Они поднялись по служебной лестнице, где стены до середины были закрыты старой плиткой, а выше шла масляная краска цвета разбавленной охры. На площадке третьего этажа висела схема эвакуации, под ней — объявление о проверке пожарных рукавов, рядом — пожелтевший плакат о правилах работы с биоматериалом. Вера всегда замечала, как сильно институт зависел от языка инструкций: каждый поворот имел предписанное действие, каждый шкаф — ответственного, каждая пробирка — срок, каждый образец — происхождение. В Песоцкой пустыни при помощи документа убирали связь между костью и камнем; здесь при помощи документа эту связь можно было вернуть, если успеть закрепить её раньше нового исправления.

Костная комната была закрыта пломбой, которую Нина поставила накануне. Вера осмотрела номер, расписалась в журнале и сняла ленту. На центральном столе уже лежал подготовленный набор: штативы, стерильные кассеты, масштабная линейка, чёрная подложка, камера, пакет с ПП-15, отдельная коробочка черепа и контейнер для нового фрагмента. Из соседней комнаты доносился слабый запах этанола; уборщица прошла там с дезинфицирующим раствором за полчаса до их прихода. В костной комнате запахов было мало: картон, пластик, сухая пыль старых коллекций. Вера ценила эту бедность. Воображение получало меньше пищи.

Череп ПП-15 оказался массивным, с тяжёлыми надбровными дугами, широкими скулами, следами утраты зубов при жизни и небольшим дефектом на левой височной области, посмертным по характеру края. Нижняя челюсть хранилась отдельно. Вера установила её на подставку, сверила зубные позиции, нашла моляр, который Нина отметила зелёной полоской на схеме. Человек из северной ниши жевал правой стороной, левую берег: это подтверждали стёртость коронок, микротрещины эмали, следы воспаления у корней. Вера надела новые перчатки, включила запись и начала описание.

— Второй независимый образец из того же индивида, — проговорила она для камеры. — Нижний левый моляр. Пульпарная камера на снимке закрыта. Цель: повторная оценка патогенного сигнала, выявленного в ПП-15/17.

Нина заполняла электронный журнал. По ритму её набора можно было понять степень тревоги: в обычные дни она печатала рывками, с короткими паузами на шутку; теперь текст

шёл длинными отрезками. Вера отделила моляр с минимальным вмешательством, перенесла его в кассету, сделала фотографии, затем закрыла челюсть в коробке. Перед отбором она остановилась над черепом и задержала взгляд на пустых глазницах. Ей не нравилась театральность таких моментов; черепа становятся символами слишком легко. Для неё важнее были пазухи, швы, альвеолы, толщина компактной пластинки, старые воспаления, следы нагрузок. В строении черепа сохранялась биография, лишённая голоса и оправданий. Человек из Песоцкой ниши был правой, страдал от зубной боли, пережил длительный дефицит в детстве, умер в зрелом возрасте, после болезни, оставившей в крови след. Остальное пока принадлежало догадкам.

Моляр вскрывали медленно. Диск срезал участок корня; дентин дал мелкую крошку, которую Вера перенесла в пробирку. Нина завела контрольные серии: чистый воздух бокса, пустая колонка, реагенты, рабочая поверхность, отдельный индекс. В этот раз они проводили работу с избыточной строгостью, так что вся процедура казалась судебной церемонией над ошибкой. Вера видела в этом утешение. Ошибку следовало проверять по всем правилам, прежде чем признать её слабой.

- Слепой код будет другой, — уточнила Нина.
- К-42. Без привязки к Пскову.
- Если Новосибирск вернёт тот же узел, мы перестанем спать?
- Сон не входит в договор с фондом.
- Тогда надо требовать допсоглашение.

К полудню образец ушёл в экстракцию. До результата оставались часы. Вера занялась малой пястной костью: фото, размер, сторона, степень сохранности, след на боковой поверхности. Под микроскопом линия оказалась менее случайной, чем на глаз. Начальный участок был расширен, по одному краю шла тонкая зона изменения цвета и плотности, в глубине находилось заполнение того же минерального состава, что в трещинах окружающей ткани. Свежий раскопанный след дал бы светлый скол и рыхлый край; здесь поверхность была древней. Для прижизненности требовалось увидеть реакцию ткани, а это давала томография.

Микро-КТ стоял в соседнем университетском корпусе, куда сотрудники института попадали по старому соглашению, составленному во времена, когда факультет ещё уважал их лекции и нуждался в их препаратах для занятий. К четырём Вера и Нина несли две кассеты через больничный сад. Деревья стояли чёрными стволами в тяжёлом воздухе, дорожки были посыпаны песком, между корпусами шли студенты, врачи, курьеры, люди с бахилами в руках и пластиковыми папками. Университетский корпус начала прошлого века, с гранитными ступенями и узкими окнами, внутри был отделан светлым камнем; лестницы истёрлись по середине, перила потемнели от ладоней нескольких поколений. В нижнем этаже, за дверью с предупреждающим знаком, располагалась комната томографа.

Там всё подчинялось геометрии. Свинцовое стекло, белые панели, компьютерный стол, цилиндрическая камера прибора, набор держателей, калибровочные фантомы в футляре. В отличие от костной комнаты, здесь кости переводили в пространство чистых сечений. Образец превращался в объёмную модель, в шкалу плотностей, в серию изображений, где человеческая боль становилась изменением структуры. Оператор, доцент по имени Чесноков, любил оборудование сильнее большинства людей и принимал внеплановые исследования за шоколад и обещание совместной публикации. Шоколад Нина принесла предусмотрительно.

- Локтевая и пястная? — Чесноков раскрыл кассету. — Исторический материал?
- XV век, предварительно, — ответила Вера.
- Что ищем?
- Характер линии. Посмертное повреждение или старый след с реакцией ткани.
- Толщина среза?
- Максимально, сколько дадите без разрушения расписания.

— За шоколад — хорошо. За соавторство — лучше.

— До соавторства дожить надо.

Он устроил локтевую кость в держателе, закрыл камеру, погасил лишний свет. На мониторе возник первый серый срез. Компактная ткань легла плотным кольцом, губчатая часть — зернистой областью, линия следа вошла под углом, ясно и неприятно. Чесноков изменил контраст, прокрутил серию. Вера наклонилась к экрану. У края насечки виднелась зона перестройки: узкая полоска новой костной ткани, образованной после травмы. Незначительная, но присутствующая. Человек жил после нанесения линии. Сколько — день, неделю, месяц, определить без дополнительных исследований было трудно; главное уже проявилось.

Нина перестала шевелиться.

— Она заживала, — выдохнула она.

— Начала, — поправила Вера.

— Но начала при нём.

Вера кивнула. Одного кивка хватило.

Чесноков перевёл взгляд с экрана на них.

— У вас что, ритуальные надрезы?

— У нас вопрос, — произнесла Вера. — Пока один.

— По глазам вижу, что не один.

Вера промолчала. Слово “ритуал” было удобной ловушкой. В археологии им часто закрывали всё, что не укладывалось в хозяйственную, травматическую или погребальную схему. Ритуал — значит особое действие, но особость без функции. Здесь функция начинала проступать: место на локтевой кости, сопряжённый блок, малая кость с повтором, человек с патогеном, чья молекулярная родословная расходилась с временем.

Пястная дала слабее выраженную картину, но линия тоже оказалась старой. По одному краю шло изменение поверхностного слоя, совместимое с травмой, нанесённой до окончательного разложения ткани. Если фрагмент принадлежал тому же человеку, его отметили в нескольких местах. Если другому, северная ниша содержала соединённые фрагменты разных отмеченных тел. Оба варианта требовали объяснения, которое пока находилось за пределами протокола.

Чесноков выгрузил изображения, подписал акт, принял шоколад с серьёзностью гонорара. Вера распечатала два ключевых среза. На первом линия входила в локтевую кость ПП-15, и тонкая зона ремоделирования выделялась в серой шкале без всякой выразительности. В этом была её сила: древний знак переставал быть образом и становился тканевой реакцией.

К моменту возвращения в институт Круглова уже искала Веру по всем внутренним телефонам. В приёмной директора сидел мужчина в тёмном пальто, с кожаной папкой на коленях. Даниил Беркутов не поднялся сразу, лишь закрыл папку и кивнул, будто их встреча у северной стены была предварительной частью уже назначенного разговора. Его присутствие в институтском коридоре выглядело особенно неправильным: рядом с объявлениями о санобработке и стендом профкома фондовая безупречность приобретала форму давления.

— Вера Андреевна, — обратился он, поднимаясь. — Рад, что успел застать вас до вечернего заседания.

— Вы приехали без приглашения.

— Фонд имеет право присутствовать при обсуждении проектных сроков.

— При обсуждении сроков. К образцам это право не относится.

Он чуть склонил голову, сохраняя вежливость.

— Лев Николаевич просил передать, что высоко ценит вашу тщательность. Именно поэтому возникла просьба: все манипуляции с ПП-15, способные изменить сохранность материала, проводить после согласования с попечительским советом проекта.

Нина, стоявшая за плечом Веры с кассетами, тихо хмыкнула.

— Попечительский совет будет согласовывать пульпу средневекового моляра? — её голос прозвучал слишком любезно. — У них есть стоматологическая секция?

Беркутов перевёл на неё взгляд.

— Вы, должно быть, Нина Калинина. Ваши скрипты для фильтрации фоновых профилей упоминались в отчётах лаборатории.

Нина мгновенно убрала усмешку.

— В каких отчётах?

— В открытых публикациях института.

— Скрипты у нас в открытых публикациях не лежат.

Пауза вышла короткой и сухой. Беркутов допустил ошибку. Небольшую, но для Веры и Нины достаточно ясную. Он знал внутреннюю структуру их обработки глубже, чем мог узнать из пресс-релизов и статей.

Дверь кабинета открылась. Круглова вышла в коридор, увидела Веру, Нину, Беркутова, кассеты, и её черты на миг стали жёстче.

— Прошу всех ко мне, — распорядилась она. — Без разговоров в коридоре.

В кабинете был накрыт длинный стол для заседания: бутылки воды, распечатки договора, список сроков, проект служебного ответа. На экране ноутбука стояла заставка фонда «Возврат». Вера положила на стол папку, не выпуская из рук кассету с локтевой костью. Нина заняла место у окна и сразу открыла свой ноутбук, внося в комнату тихое клацанье клавиш.

Беркутов устроился рядом с Кругловой, хотя юридически занимал позицию внешнего партнёра. Эта рассадка была выразительнее любого протокола. Раиса Давыдовна заметила взгляд Веры и слегка поджала губы.

— Коллеги, задача простая, — начала директор. — Нам нужно согласовать служебную позицию по задержке предварительного отчёта.

— У меня есть основания, — Вера разложила распечатки томографии. — Насечка на локтевой кости ПП-15 имеет признаки старого повреждения с начальной реакцией костной ткани. Дополнительный фрагмент из зоны ниши содержит сходную линию. На блоке С-Н-4 обнаружена сопряжённая отметка. Факт демонтажа блока до полной официальной фиксации требует отдельного пояснения.

Круглова взяла снимок, нахмурилась.

— Реакция ткани означает...

— След нанесён при жизни или в период, совместимый с сохранением тканевого ответа.

— Вера Андреевна, говорите по-русски.

— Человек ходил с этой линией в кости.

В комнате на несколько секунд стало тихо. Беркутов смотрел на снимки с вниманием лекционера, получившего подтверждение подлинности. Вера отметила это и ощутила неприязнь к собственной наблюдательности: в людях она теперь тоже искала следы.

— Любопытно, — произнёс он. — Хотя, разумеется, такие выводы требуют осторожности.

— Именно её я и предлагаю.

— Согласен. Передайте материал на расширенную экспертизу в проектный центр, и мы обеспечим полный комплекс исследований.

— Проектный центр фонда?

— Партнёрская лаборатория с международной сертификацией.

— Список специалистов и протоколы доступа.

— Предоставим после решения дирекции.

— Тогда решения не будет.

Круглова резко подняла руку.

— Вера.

— Раиса Давыдовна, передача материала сейчас уничтожит независимость проверки. Беркутов сложил пальцы на папке.

— Никто не собирается уничтожать независимость. Фонд заинтересован в репутации проекта.

— Репутация проекта переживёт отсутствие доступа к нашим первичным материалам.

— У вас уже есть предварительный патогенный сигнал, верно?

Круглова повернулась к Вере. Нина прекратила печатать.

— Источник вашей информации? — спросила Вера.

— Общая логика исследования. Иначе не было бы такой срочности.

— Вы задали вопрос в форме утверждения.

— Профессиональная привычка.

— Смените привычку.

На чертах Беркутова не появилось раздражения. Только короткое напряжение у нижней челюсти. Он держал тон.

— Вера Андреевна, вы наделены значительной ответственностью. Фонд выбрал ваш институт по рекомендации специалистов, ценящих вашу способность к строгой интерпретации сложных останков. Этот выбор был доверием.

— Выбор состоялся до вскрытия ниши.

Беркутов взглянул на неё прямо.

— Подготовительный список лабораторий составляют заранее.

— С моей фамилией, номером будущего скелета и срочным режимом?

— В проектных документах встречаются технические поля, которые заполняются на разных этапах.

— Полевой блокнот Ветрова тоже заполнился заранее?

Круглова закрыла глаза на секунду. Нина снова начала печатать, уже быстро.

— Я бы осторожно относился к полевым эмоциональным записям, — отозвался Беркутов.

— В них больше первичности, чем в вашем чистовом акте.

— Вы обвиняете фонд в редактировании археологических данных?

— Я фиксирую расхождения. Обвинения требуют другой процедуры.

— Мудрая позиция.

— Удобная для вас временно.

Беркутов откинулся на спинку кресла. За окном темнело; на стекле отражались лампа, папки, бледные прямоугольники распечаток. Вера увидела, что Круглова просчитывает последствия: если фонд уйдёт, институт потеряет оборудование, командировки, часть ставок; если фонд останется при полном доступе, институт может потерять смысл существования. Директор всегда выбирала между видами ущерба. Сегодня от неё требовалось признать, что один из них нравственно опасен.

— Предлагаю компромисс, — выговорила Круглова. — Материал остаётся в институте до завершения повторного прогона. Фонд получает служебное уведомление без молекулярных массивов. Любые внешние экспертизы оформляются через дирекцию и научного руководителя исследования. Даниил Игоревич, этого достаточно до конца недели.

Беркутов посмотрел на неё, затем на Веру.

— До конца недели, — подтвердил он. — Лев Николаевич оценит вашу готовность к сотрудничеству.

— Пусть оценивает документы, — отозвалась Вера. — Они для этого пригоднее людей.

Совещание завершилось без рукопожатий. Беркутов ушёл через приёмную, оставив после себя папку с проектом дополнительного соглашения. Нина сфотографировала его титульный лист, прежде чем секретарь успела убрать документ в стопку. Вера видела дату:

проект подготовили утром, до её возвращения из Пскова. В пункте 3.2 значилось право фонда на копии промежуточных данных “в объёме, необходимом для координации междисциплинарного анализа”. Формула была широкая, как ворота.

— Вы обе понимаете, что это не игра, — Круглова произнесла это уже после ухода Беркутова.

— Именно, — ответила Вера.

— Если вы ошибаетесь, мы выглядим параноиками. Если правы, всё хуже.

— Значит, нужно знать.

Директор устало опустилась в кресло.

— Вы всё время думаете, что знание защищает. В учреждениях за знание часто расплачиваются должностью, ставками, лабораториями.

— Без него приговор пишет кто-то другой.

Круглова не ответила. Она взяла распечатку томографии и долго смотрела на серый срез кости, где короткая линия уходила в ткань человека, умершего шесть веков назад.

К ночи второй прогон был готов. Вера и Нина сидели в секвенаторной, где верхний свет уже погасили, оставив настольную лампу и мониторы. За стеклом бокса в темноте выделялись пластиковые крышки контейнеров; центрифуга стояла с открытой крышкой после обработки; на краю стола лежали распечатки томографии и лист Полины с северной нишей. Слабый гул вентиляции создавал фон, на котором щелчки клавиатуры казались чрезмерно резкими.

Нина запустила финальную сборку сама. Вера стояла за её плечом, держа кружку с остывшим чаем. Моляр ПП-15/22 дал меньше материала, чем первый зуб, но достаточно для оценки. Длины фрагментов соответствовали древнему образцу. Пустые контроли снова остались пустыми. Фоновая примесь была ожидаемой. Патогенный сигнал сохранился. После строгой фильтрации красная метка снова оказалась в поздней ветви.

Нина убрала руки с клавиатуры.

— Всё, — произнесла она. — Я больше не могу делать вид, что нашла способ нас спасти.

Вера поставила кружку на стол.

— Сохраняй отчёт. Дублируй на закрытый носитель. Печать трёх деревьев, карты покрытия, повреждения, контроли. Письмо в Новосибирск — запросить срок первичного заключения.

— Уже.

— И проверь журналы доступа к проектному хранилищу за последние две недели.

Нина повернулась к ней.

— Ты думаешь, они уже видели?

— Беркутов знал про твои скрипты.

— Я проверю глубже.

Она открыла административную панель, вошла под своим ключом, выгрузила лог событий. Строки пошли быстро: загрузки файлов, изменения метаданных, входы сотрудников, резервные копии, автоматические запросы. Нина фильтровала по внешним адресам, затем по проекту Песоцкой пустыни, затем по пользователям с правами просмотра. На экране возникла запись с отметкой времени: создан временный проектный доступ для консультационного профиля. Имя профиля было нейтральным: *heritage_genomics_external*.

— Кто создавал? — спросила Вера.

— Администратор дирекции. Под заявкой фонда.

— Дата?

Нина увеличила строку.

Доступ создали за четыре дня до поступления ПП-15 в институт.

Вера не стала ничего произносить. Нина скопировала лог, распечатала строку, затем открыла детали заявки. В поле “обоснование” стояла формулировка: *предварительная подготовка канала обмена по образцу Северова/Песоцк.*

Фамилия была поставлена без инициалов, как в блокноте Ветрова. Без должности, без названия лаборатории. Чистый знак принадлежности к маршруту.

Нина медленно отодвинулась от стола.

— Они не ждали результата. Они ждали тебя.

Вера смотрела на строку с датой. Красная метка в дереве родства, линия на кости, линия на камне, заранее созданный доступ, приложение с её именем, вопрос Беркутова у ниши — все эти элементы складывались без красивого центрального объяснения, сухо и тяжело, как фрагменты скелета на анатомическом столе.

Вера взяла лист с томограммой локтевой кости и положила рядом с распечаткой лога. В одном документе находилась древняя тканевая реакция на нанесённый след. В другом — современная административная реакция на ещё не полученный образец. Между ними лежали шесть веков и одно действие: заранее поставить человека в нужное место.

Она открыла лабораторный журнал и добавила к ночной записи новую строку:

ПП-15/22 подтверждает патогенный сигнал. Контроли чистые. Насечка на локтевой кости имеет признаки прижизненного нанесения. Доступ внешнего профиля к проектной папке создан до поступления образца.

Рядом, в графе “следующие действия”, Вера вывела:

Защитить материал. Найти источник выбора.

Глава шестая. Гравюра

На прозрачном столе реставрационной мастерской лежал лист голландской бумаги с медной гравюрой, отпечатанной слабым нажимом: круг, разделённый на четыре доли; сосуд в центре; змей, сомкнувший пасть на собственном хвосте; семь малых ячеек по ободу; в северной ячейке — короткий наклонный штрих, столь бедный, что всякий каталогист назвал бы его дефектом доски. Под ультрафиолетом бумага давала мягкое синеватое свечение, железогалловые чернила на полях темнели, поздняя карандашная нумерация уходила в серую пыль. Матвей Рябинин удерживал край листа стеклянным грузиком и записывал в карточку: *“Tabula nigredinis. Аноним. Середина XVII в.? Вторичный отпечаток. Поля обрезаны. Северная метка сохранена.”*

Мастерская занимала задний корпус бывшей аптекарской канцелярии на Васильевском острове, в переулке, где за фасадами девятнадцатого века прятались склады, служебные флигели, лестницы с чугунными ступенями и окна с матовым стеклом. Дом принадлежал музею истории медицины, но музейная часть открывалась для посетителей лишь в парадных залах: витрины с хирургическими инструментами, портреты профессоров, посмертные маски, афиши санитарного просвещения. Реставрационный отдел находился за двумя служебными дверями и узкой галереей; там, под потолком с трещинами, стояли столы с холодной подсветкой, шкафы для бескислотных папок, датчики температуры и влажности, вытяжной шкаф для работы с растворителями, лампы бокового света, микроскоп, стеллажи с рукописными делами. Для стороннего человека всё это выглядело тихим придатком музея; для Матвея каждый ящик имел вес свидетельства, а каждое пятно на листе требовало осторожности больше, чем эффектная эмблема.

Он не любил слово “тайна”. В нём слышался дешёвый блеск телевизионных программ, где алхимиков превращали в фокусников, а старые книги — в декорации к поиску золота. Матвей занимался более строгой областью: способами записи опытного знания до разделения дисциплин, когда одна и та же страница могла содержать рецепт пигмента, молитвенную формулу, схему нагрева, наблюдение над гниением, символ небесного порядка и практическую отметку для того, кто уже знает последовательность действий. Старый рисунок редко раскрывал себя первому восторженному взгляду. Сначала требовалось считать деления, искать место прерванной линии, отделять латинское слово от поздней поправки, внесённой иной рукой.

В карточку он внёс ещё одну строку: *“Связать с песоцким листом? Проверить по описи Германа.”*

Телефон, оставленный экраном вниз, завибрировал на краю стола. Матвей не коснулся его. За утро фонд звонил дважды, музейный куратор — один раз, неизвестный номер — четыре. После вчерашнего письма Беркутова тон переписки изменился: вместо обычной любезной просьбы о консультации пришло требование временно приостановить доступ сторонних исследователей к материалам, связанным с Песоцкой пустыней. Формулировка была аккуратной, юридически мягкой, с выражениями благодарности за вклад; в таких письмах угроза располагалась между абзацами, в местах, где в старых рукописях оставляли поле для глоссы.

Служебный звонок у двери прозвучал в половине одиннадцатого. Матвей накрыл гравюру тонкой защитной бумагой, вышел в коридор и увидел женщину в тёмном пальто с дорожной папкой под мышкой. Высокая, сухая, с усталостью, собранной в неподвижности плеч. Волосы забраны низко, у висков серебро; взгляд сразу прошёл по двери, замку, журналу посетителей, камере в углу, табличке “Реставрационная зона”. Так смотрели люди, привыкшие думать о сохранности материала раньше приветствия.

— Вера Северова, — представилась она. — Северо-Западный институт исторической патологии.

Матвей открыл журнал, подвинул к ней ручку.

— С какой стороны вы пришли: от дирекции, музейного центра или фонда?

— От кости.

Он поднял брови.

— Самый сложный пропуск.

— У вас есть материалы по Песочной пустыни.

— У многих есть материалы по Песочной пустыни. У фонда больше всех.

— Мне нужны те, где встречается костный сосуд.

Ручка в его пальцах задержалась над журналом. Вера расписалась, указала учреждение, время, номер телефона и вернула лист. Матвей провёл её в мастерскую, но к столу с гравюрой сразу не подвёл. Сначала закрыл дверь, повернул ключ и проверил внутреннюю защёлку. Жест был бытовым, без театра, однако Вера отметила его.

— Вам тоже посоветовали ограничить доступ? — уточнила она.

— Мне посоветовали ценить партнёрские обязательства.

— Значит, да.

Матвей снял защитную бумагу с гравюры, оставил лист под стеклом.

— Покажите кость.

Вера достала папку. На стол легли фотографии локтевой кости ПП-15, томографические срезы, снимки блока С-Н-4, зарисовка Полины, копия полевого блокнота Ветрова. Матвей надел хлопковые перчатки, хотя фотографиям они требовались меньше, чем его привычке, и начал с зарисовки. Он рассматривал её иначе, чем археолог. Марк Ветров оценивал форму ниши, глубину, положение тела; Матвей искал повтор малых углов, направление штриха, расстояние от блока до кости, способ, которым рисовальщик отметил сомнение.

— Кто чертил?

— Полина Громова. Студентка-реставратор.

— Хорошая рука. В полевых зарисовках видно, кто пытается украсить неопределённость.

Она не украшает.

— Насечка на кости нанесена при жизни.

Матвей перевёл взгляд на томограмму.

— Вы уверены?

— Есть начальная реакция ткани. Срок уточнять рано.

— Значит, знак принадлежал живому телу.

— Я пока называю это следом.

— След — более честное слово. Знак требует намерения.

— Поэтому я здесь.

Он взял прозрачную линейку, приложил к распечатке, затем к копии блока. Достал из ящика угломер, старый, металлический, с выгравированной шкалой, предмет из прежней эпохи чертёжных кабинетов. Отметил угол на полях кальки. Сравнил с гравюрой под стеклом. Вера видела, как у него меняется дыхание: оно стало поверхностнее, но руки остались точными.

— Тридцать семь градусов с допуском на полевую съёмку, — произнёс он. — На гравюре северный штрих в этой же зоне.

— Совпадение угла на рисунке и кости ничего не доказывает.

— Само по себе — бедный факт. В паре с камнем — лучше. В паре с описью — опаснее.

— У вас есть опись?

Матвей отошёл к шкафу, открыл нижний ящик, вынул папку с коричневой тесьмой. На обложке стояло: *Песочная пустынь. Копии. Опись больницы кельи. Северная стена.* Внутри лежали цифровые распечатки листов, фотографии под разным светом, транскрипции, его соб-

ственные заметки. Он развернул страницу с длинной строкой старого письма. Буквы были тяжёлые, с плотными вертикалями и сокращениями; по краю шла поздняя нумерация, рядом с ней — пятно, закрывшее часть слова.

— Отец Герман прислал это два года назад, когда искал средства на реставрацию. В описи перечисляются лари, книги, сосуды, каменные места у больничной кельи. Вот здесь спорное место. Музей прочёл как “кладовая костная”. Я предложил вариант “костный сосуд”.

— Почему?

— Сокращение после “костн-” и хвост буквы у следующего слова. Плюс контекст. Перед этим перечислены места при больничной келье. После — запись о северной стене. Опись писали человеком, знакомым с медицинской практикой обителя.

— Музей принял вашу версию?

— В рабочую дискуссию — да. В официальную карточку — нет. “Костный сосуд” звучит слишком выразительно для инвентарной описи. Музейные люди любят бесцветные варианты, когда рядом фонд, церковь и земля с останками.

Вера наклонилась над листом. Старое слово, увеличенное на распечатке, состояло из линий, сокращений и повреждения по краю. В нём действительно читался сосуд, если знать, что искать. И кладовая, если требовалось спокойствие.

— Когда Беркутов просил вас смотреть эту опись?

— Полтора месяца назад.

— Формулировка запроса?

Матвей открыл электронную почту на отдельном ноутбуке, повернул экран к Вере. Письмо от Беркутова было выдержано в той же учтивой сухости: *“Просим уточнить материалы, где терминология ‘сосуда’, ‘северной ячейки’, ‘чёрной стадии’ может относиться к Песоцкому комплексу. Особенно интересуют параллели с гравюрой Nigredo из Вашего каталога.”*

— Гравюра уже была у вас?

— В другом деле. Её передали из частного собрания на экспертизу через фонд Арсеньева. По документам — для выставки о натурфилософии и медицине.

— А фактически?

— Теперь ответ выглядит иным.

Вера смотрела на экран. За полтора месяца до ПП-15 фонд уже интересовался сосудом, северной ячейкой и чёрной стадией. За несколько дней до раскопа Беркутов спрашивал о ней. После первого анализа был создан внешний доступ. Такая последовательность больше не требовала украшения домыслами.

Матвей вернулся к гравюре. Бумага была серовато-жёлтой, волокна под стеклом различались тонкой сеткой. Сама картинка казалась наивной до грубости: круг в рамке, змей, сосуд, семь ячеек, надпись *NIGREDO* вверху, под ней латинская фраза, оборванная из-за обрезанного поля. По углам — четыре малые фигуры: зуб, птица, закрытая дверь, обрубленная ветвь. Вера задержала взгляд на зубе. Его изобразили условно, с длинным корнем и тёмной точкой в центре.

— Перед вами алхимическая эмблема с рабочей разметкой, — начал Матвей. — Видите семь ячеек по ободу? В классической символике хватило бы четырёх стадий, семи планет, двенадцати знаков. Здесь семь, однако подписи стёрты или специально укорочены. Северная ячейка имеет штрих, совпадающий с вашим блоком. Центральный сосуд пустой, но вокруг него нет огня. Для лабораторной алхимии отсутствие печи странно. Зато рядом зуб.

— Зуб как сосуд?

— В медицинских и натурфилософских текстах зуб часто является знаком прочности, остатка, доказательства возраста. Здесь он помещён рядом с чёрной стадией. Это заставляет думать о сохранении внутреннего вещества.

Вера почувствовала раздражение, всегда возникавшее при переходе от ткани к символу. Оно было полезным: защищало от красивых прыжков.

— Мне нужно понять, это карта, протокол или поздняя фантазия коллекционера.

— Все три варианта возможны. Но поздняя фантазия плохо объясняет совпадение с вашей нишей.

— При условии, что гравюра не подделана.

— Бумага XVII века, водяной знак соответствует северогерманской партии. Чернила полевой подписи старые, но требуют спектральной проверки. Отпечаток вторичный, доска могла быть старше. Сам рисунок имеет признаки копии с рукописного оригинала: гравёр перенёс непонятные элементы механически, без понимания их функции.

— Откуда в Петербурге такая вещь?

Матвей усмехнулся уголком рта.

— У старых книг маршрут часто благороднее владельцев. По последней цепочке: частное собрание, наследники, фонд, музейная экспертиза. По предыдущей — следы ведут к аптекарскому архиву конца XVIII века, куда попадали рукописи из закрытых монастырских библиотек. Песочские бумаги могли пройти через Псков, Новгород, Петербург, ведомственный склад, войну, списание, частные руки. На каждом шаге часть смысла терялась. Часть, видимо, тщательно сохраняли.

— Кто?

— Те, кому требовался северный штрих.

Он произнёс это сухо, без мистического нажима. Вера посмотрела на него внимательнее. Матвей держался с той осторожностью, которая появляется у специалиста, понявшего, что его редкая область внезапно заинтересовала людей с деньгами, доступами и готовыми маршрутами.

— Вы работали на Арсеньева?

— Я работал на грант по описанию медицинской символики раннего Нового времени. Деньги шли через его фонд. Такая фраза обычно звучит чище, чем ситуация внутри неё.

— Вы передавали Беркутову свои расшифровки?

— Часть. По договору. Без материалов, содержащих спорные личные или церковные сведения.

— Песочскую опись?

— Фрагмент со спорным словом — да. Гравюру — да. Список параллелей — да.

— Параллели с чем?

Матвей вынул ещё один лист. Таблица в три колонки: термин, источник, возможная функция. Вера сразу увидела знакомые слова: *nigredo, putrefactio, vas, dens, septentrio, ulna*. У последнего в переводе стояло: локтевая кость.

— Локтевая, — Вера коснулась строки.

— В латинских текстах *ulna* часто мера длины, рука, локоть. В одном фрагменте при Песочской описи стоит сокращение, которое можно читать как “левая локтевая”. Я пометил эту версию низкой уверенностью. Беркутова она очень заинтересовала.

— Когда?

— Три недели назад. Он попросил все случаи, где *ulna* связана с севером и сосудом.

— Вы дали?

— Дал общие ссылки. Координаты и полные сканы оставил у себя.

— Ему хватило.

Матвей снял очки, протёр стёкла мягкой тканью, снова надел. Его руки, с тонкими следами бумажных порезов, на секунду утратили прежнюю уверенность.

— Я считал это выставочным безумием. Богатые люди любят покупать себе глубину. Алхимия, смерть, монастыри, медицина — великолепный набор для культурного проекта.

Письмо с просьбой проверить “семантику чёрной стадии” выглядело заказом для плохого каталога; живая кость с надрезом в этот круг мыслей не входила.

— Эта кость уже была живой шесть веков назад.

— Верно. Скверная поправка.

Вера открыла папку с томограммой. Под стеклом гравюры северный штрих казался лёгкой ошибкой резца. На срезе кости тот же угол входил в ткань, и вокруг него образовывалась новая структура. В одном случае знак выглядел условностью, в другом — телесным последствием. Если их соединить, получался язык, где рисунок указывал, что искать в останке, а останок подтверждал рисунок.

— Что значит дракон? — спросила Вера.

Матвей усмехнулся уже открыто.

— Первый обязательный вопрос.

— Я обязана спросить до того, как этим займётся журналист.

— Дракон, змей, уроборос — символ цикличности, возвращения, замкнутого процесса.

В алхимической традиции с ним творили всё, что угодно: время, материю, растворение, самопожирание, вечность, обновление. В этом листе он устроен странно. Хвост касается северной ячейки. Пасть сдвинута к зубу. Гравёр, видимо, копировал схему, где движение шло от зуба к северному сосуду и обратно.

— Цикл инфекции?

— Я филолог. Я могу сказать: изображён повторяемый цикл вещества через стадию распада. Слово инфекция произнесёте вы, если данные выдержат.

— Данные выдерживают.

— Тогда да. Возможно, перед нами язык для того, что прежние люди наблюдали без микроскопа: возвращение болезни, изменение исхода, сохранение признака в теле, выбор места для погребения. Для них это была чёрная работа материи. Для вас — патоген и тканевой ответ.

Вера ненавидела, когда гуманитарная фраза оказывалась точной.

— Нужна копия гравюры в максимальном разрешении.

— Официально я должен запросить разрешение владельца.

— Владелец — фонд?

— Сейчас вещь у музея на временном хранении, юридически — частное собрание, связанное с фондом.

— Значит, официально копии нам дадут после того, как их просмотрит Беркутов.

— Да.

— А фактически?

Матвей подошёл к компьютеру сканирующей станции, открыл папку с техническими файлами. Названия были нейтральными: TNG_01_VIS, TNG_01_RAKE, TNG_01_UV, TNG_01_IR. Он вставил новый накопитель, но остановил руку у клавиатуры.

— Вы понимаете, что это выводит меня из удобной роли консультанта?

— Вы уже вышли. Просто ещё стоите в дверях.

Он посмотрел на неё без обиды.

— Приятно общаться с людьми, у которых метафоры режут, как лабораторные инструменты.

— У меня мало времени на вежливые.

— Это способ оставить мост.

— Мост к кому?

— К тем, кто решит, что мы оба увидели лишнее.

Он скопировал файлы. На экране полоска передачи медленно заполнялась. Вера слушала тихий ход компьютера, отдалённые шаги за дверью, редкий звук лифта в галерее. В мастерской было тепло; на датчике влажности горели цифры 48%. Над столом с гравюрой лампа давала

косой свет, и северный штрих проявлялся в рельефе бумаги тонкой тенью. Всё здесь относилось к сохранению: бескислотные папки, перчатки, грузики, режимы света, правила доступа. Но сегодня сохранение уже не казалось безусловным благом. Если лист действительно служил ключом к телам, вся реставрационная добродетель могла работать на того, кто собирал замысел.

Матвей закончил копирование, извлёк накопитель и протянул Вере.

— Здесь все диапазоны. Ещё мои транскрипции и таблица терминов. Пароль отправлю с другого адреса.

— Почему помогаете?

— Я всю жизнь доказывал: старые изображения содержат работу мысли, а украшение суеверий относится к поздним читателям. Сейчас у меня появился шанс оказаться правым в самом дурном варианте.

— Дурной вариант ещё не предел.

— Предел начинается там, где кто-то понимает инструкцию лучше хранителя.

На телефон Веры пришло сообщение от Нины:

Новосибирск прислал первичку. Они вежливо спрашивают, какой век у образца: их дерево ругается матом без мата.

Вера показала экран Матвею. Он прочёл и медленно кивнул.

— Значит, кость и рисунок сходятся.

— Сначала кость и кость. Рисунок идёт следом.

— Для вас — да. Для тех, кто искал Песоцкую нишу, порядок мог быть обратным.

Вера спрятала телефон. Эта мысль уже возникала, но в чужом голосе стала тяжелее. Арсеньев, Беркутов или неизвестный координатор не ждали, что кость приведёт к гравюре. Они использовали гравюру, чтобы прийти к кости, а её лабораторию — чтобы кость заговорила на языке современного доказательства.

Матвей между тем развернул ещё один лист — инфракрасный снимок поля гравюры. Под обрезанным латинским текстом проступала строка, едва различимая для глаза. Железоголло-вые чернила дали слабый контраст; часть букв была нарушена обрезкой, часть — пятном. Он увеличил изображение на мониторе, подвёл курсор к северному сектору.

— Я не включал эту строку в общую таблицу. Слишком мало уверенности. Но после ваших снимков её придётся читать заново.

На экране возникла латинская фраза, рассечённая пропусками:

OS SIN... AD LAP... DENS INT...

Матвей вывел рядом свою прежнюю попытку: *os sin[istrum] ad lap[idem]; dens int[eger]*. Затем перевёл медленно, словно проверял каждое слово на возможность вреда:

— Левая кость к камню. Зуб цел.

Вера не сразу отвела взгляд от строки. Она видела северную нишу, левую локтевую у блока С-Н-4, зуб, извлечённый из челюсти ПП-15, моляр второго прогона, чистые контроли, позднюю ветвь на дереве. Четыре слова на полях гравюры соединяли физическое положение тела с той частью, где сохранился патоген.

— Кто видел этот инфракрасный снимок?

— Я. Техник. Беркутову ушёл общий отчёт без чтения строки.

— Техник связан с фондом?

— Штат музея. Поговорю с ним. Аккуратно.

— Слишком поздно для аккуратно.

Матвей закрыл снимок, но Вера уже запомнила строку. *Левая кость к камню. Зуб цел.* Перед ней находилась инструкция поиска, переписанная через века в форме, безопасной для того времени и опасной для нынешнего. Слово поднялось к губам Веры, но осталось на границе мысли. Нельзя было отдавать гравюре власть над данными. Сначала — проверка.

Служебный звонок у двери прозвучал второй раз. Матвей быстро накрыл лист защитной бумагой, убрал папку Песоцкой описи в ящик и запер его. Вера взяла свою папку и накопитель, отошла к стеллажу. В мастерскую вошла сотрудница музея с бейджем и планшетом.

— Матвей Алексеевич, из фонда приехал курьер за временным делом Nigredo. У них письмо от дирекции музея.

— На какой срок?

— До согласования экспозиционного паспорта. Просят сейчас.

Женщина говорила тихо, с неловкостью человека, которому поручили лишнее распоряжение. Матвей некоторое время смотрел на закрытую гравюру. Затем взял акт выдачи, прочитал, расписался в строке “передал”, поставив время. Его движения были спокойными, но Вера видела, как его пальцы напряжены.

Курьер ждал в коридоре. Молодой мужчина в чёрной куртке, без музейного бейджа, с жёстким кейсом. Он прошёл внутрь, проверил номер дела, вложил гравюру в транспортную папку, закрыл кейс на два замка. Взгляд курьера прошёл мимо Веры. Люди, обученные выполнять такие поручения, часто берегут взгляд: лишнее узнавание осложняет работу.

Когда дверь закрылась, мастерская стала визуально пустой. На прозрачном столе остался прямоугольник чистого света, где несколько минут назад лежала гравюра с северной меткой. Матвей стоял у стола, держа копию акта. Вера подошла к нему.

— Они забирают ключи.

— Да.

— Значит, вы успели.

Он поднял глаза.

— Мы успели снять слепок с замка. Ключ у них.

— Иногда хватает и слепка.

Матвей впервые улыбнулся без горечи.

— Вы плохо утешаете.

— Я не утешаю.

Она положила в папку копию акта выдачи, которую Матвей молча протянул ей. Дата, время, фондовый курьер, временное дело Nigredo, распоряжение дирекции музея. Всё по правилам. В этой истории страх рождало своевременное использование правил.

На выходе Вера задержалась у внутренней галереи. За стеклом музейного зала стояла витрина с аптекарскими сосудами: стеклянные банки с латинскими этикетками, фарфоровые ступки, весы, пинцеты, сухие корни, старые шприцы. Посетителей в этот час не было; экспонаты находились в равномерном свете, приведённые к порядку музейного описания. Вера смотрела на стеклянный сосуд с надписью *Materia nigra* и думала, что старый язык обладал опасной щедростью: одно выражение могло значить вещество, стадию, болезнь, тлен, опыт, смерть, надежду. Современному человеку хотелось разделить эти значения по шкафам. Люди Арсеньева, похоже, собирали их обратно.

У выхода Матвей передал ей маленькую карточку.

— Отец Герман ждёт вас в Пскове завтра. Я позвонил, пока вы смотрели витрину.

— Вы быстро решаете.

— Старые книги приучают к медленности. Живые кураторы — к иной скорости.

На карточке был написан номер настоятеля и короткая пометка: “Спросить про белую кость и вторую стену.”

— Что такое вторая стена?

— В Песоцкой описи после северного сосуда есть странная запись о переносе “белой кости” к дороге. Я считал её поздней пометой. В свете ваших данных она может вести к следующему месту.

— К следующему скелету?

— К следующей странице.

Вера убрала карточку в папку. На улице уже наступил вечер; в переулке горели фонари, на каменных плитах двора лежал тонкий слой талого песка, под аркой проходили музейные сотрудники с папками и сумками. Машина фонда стояла у ворот, курьерский кейс уже лежал в багажнике. Двигатель работал, выхлоп поднимался белесой струёй и растворялся в холодном воздухе.

Вера достала телефон и набрала Нину.

— Сохрани отдельный контур для файлов Рябинина. Без проектного хранилища. Только локально и на физический носитель.

— Уже люблю этого Рябинина, — отозвалась Нина. — Он принёс нам неприятности в хорошем разрешении?

— Да. И фразу: левая кость к камню, зуб цел.

На том конце наступила пауза.

— Это кто написал? Средневековый судмедэксперт?

— Человек, который знал, что искать.

— Или человек, который хотел, чтобы это нашли.

Вера посмотрела на машину фонда у ворот. Дверца захлопнулась, автомобиль выехал из двора и исчез за аркой.

— Именно это мы теперь проверяем.

Она завершила разговор и пошла к метро, держа папку под рукой. Внутри лежали фотографии прижизненной насечки, сканы гравюры, копия описи, акт изъятия и карточка с номером отца Германа. За один день ПП-15 перестал быть единичным нарушением хронологии. У него появился язык. Старый, повреждённый, построенный на символах, но достаточно точный, чтобы указать левую кость, камень и зуб.

Вера не доверяла языкам, которые заранее знают, где лежит ответ. Но лабораторный журнал уже содержал поздний патоген, пустые контроли и повторный прогон. Теперь к ним прибавилась гравюра, где полевая истина Песоцкой ниши была записана за века до раскопа.

У входа в метро она остановилась, достала лист Полины и ещё раз посмотрела на северную нишу. Малый штрих на камне, линия на кости, зуб в челюсти. Три элемента, соединённые в одной старой фразе.

Левая кость к камню. Зуб цел.

Эта строка не объясняла болезнь. Она давала способ её найти.

Глава седьмая. Сосуд

В липовом ларце, обитом изнутри холстом, находились семь свёртков с зубами и девять костяных щепок, каждая в своём узком мешочке, с биркой из пергамена и знаком, выведенным угольным чернилом. Ларь стоял в больничной келье Песоцкой пустыни под вторым дном старого книжного сундука, где поверх тайника лежали списки умерших, аптечные записи, две латинские тетради, переписанные с дурными ошибками, и опись монастырского имущества. Всякий, кто открыл бы сундук без знания устройства, увидел бы бумагу, ветхую кожу переплётов, сушёные травы в холстине, малую печать игумена. До ларца доходила только рука, уже знавшая, какой шпенёк поднять у задней стенки.

Тихон Песочник устроил тайник во вторую весну после великого поветрия. К тому времени число крестов на кладбище перестало расти каждый день, городские ворота снова пропускали возы с мукой, а у заставы ругань торговых людей сменила прежнее беззвучное ожидание. В обители говорили о милости, о завершённом испытании, о благодарственном молебне. Тихон записывал другое: у переживших первый жар появились поздние болезни, у некоторых оставались боли в костях, у иных темнели дёсны, у третьих ранние нарывы возвращались без опухолей. Мор, покинувший площадь, сохранял следы в людях, прошедших через него. Эти следы требовали счёта.

Тихон перестал доверять одной могиле после Луки Селифонова. Северная ниша удержала порядок его тела, камень и кость сошлись знаком, зуб остался целым, но единственный случай давал только страх и память. Чтобы увидеть путь болезни, требовалось второе место, третье, четвёртое, разнесённые по дороге, по разным дворам, по разным родам смерти. Тело без места было слепой буквой; место без тела — пустой строкой. Вместе они давали возможность проверки, если будущий человек сумеет читать.

В те месяцы при больничной келье появился новый помощник — послушник Филарет, сын псковского кожевника, отправленный в монастырь после мора, когда в доме остались три ребёнка и долги. Филарет был долговяз, с длинными запястьями, с глазами, привыкшими считать товар и убыток. В отличие от Савватия, умершего к зиме, он мало крестился у порога подклети и больше смотрел на руки Тихона. Страх у него имел практический вид: он боялся сделать неверно, перепутать мешочек, сбить счёт дней, оставить бирку без привязки. Такой страх годился для работы.

— Зубы держать отдельно, — наставлял его Тихон, раскладывая свёртки на столе. — У каждого имя, день, место, знак. Если имени нет, ставь двор и род.

— Зачем зуб, когда есть кость? — спросил Филарет.

— В кости видна работа жизни. В зубе остаётся сердцевина крови.

Послушник коснулся мешочка с биркой Луки.

— Крови там нет.

— Глазом нет.

— Чем же она видна?

Тихон закрыл ларь.

— Тем, кто придёт с иными глазами.

Филарет принял это за монастырскую притчу и больше не расспрашивал. Тихон не исправлял. Будущему знанию следовало оставить направление, а не объяснение; всякое объяснение, написанное прежним языком, быстро обращалось в сказку или ересь. Направление жило дольше: зуб цел, левая кость к камню, север, день жара, исход.

Вторая женщина, пригодная для записи, пришла из двора у Белой стены. Звали её Ульяна Молоткова, вдова кузнеца, лет тридцати с небольшим, с сильными плечами и двумя шрамами у подбородка от детской золотухи. В мор она потеряла мужа, свёкра и малую дочь, сама лежала

с опухолью за ухом, бредила о льде, на шестой день пришла в разум, на двенадцатый вышла к печи. После болезни у неё осталась странная выносливость: она работала с утра до темноты, носила воду, правила телегу, принимала заказы у кузни, но через каждые девять или десять недель её ломала внутренняя горячка. Без опухолей. Без язв. С болью в левой руке и тёмными полосами под ногтями.

Тихон увидел её у монастырских ворот в день, когда она привезла железные скобы для ремонта больничной двери. Ульяна держала вожжи правой рукой, левую прижимала к поясу. Когда он попросил показать, она засмеялась грубо и коротко, как люди, не желающие отдавать боль чужому взгляду. Всё же рукав подняла. На коже у локтя виднелась тёмная прожилка от старого ушиба, кость под пальцами отозвалась резкой болезненностью. Под ухом оставался след прежней опухоли. Тихон попросил прийти в келью после вечернего правила.

Она пришла без родни. Вошла в больничную келью, осмотрела стол, ножи, сосуды с известью, ларь с записями, и сразу выбрала место у двери, где можно было выйти одним шагом.

— Резать станешь? — бросила она.

— Малую черту.

— Для чего?

— Чтобы знать, вернётся ли жар тем же путём.

— Я и так знаю. Он приходит через руку.

— Ты знаешь боль. Мне нужен след.

Ульяна смотрела на него долго, с враждебным вниманием. В её глазах не было послушного доверия, которое облегчало работу лекарю; доверие погубило в её доме вместе с теми, кого она вынесла на двор. Такая женщина соглашалась только на ясную цену.

— Если помру, где положишь?

Тихон промолчал.

— Сразу об этом думаешь, — продолжила она. — Значит, дело в смерти.

— Дело в том, как смерть меняет ход.

— Мне от твоего хода какая польза?

— Возможно, другим будет.

Она отвернулась к окну, где за слюдяной вставкой темнела монастырская стена. Несколько раз сжала и разжала левую кисть. Филарет, стоявший у печной чаши, перестал дышать заметно; Тихон жестом велел ему выйти.

— Муж мой говорил, — проговорила Ульяна, — железо надо метить до закалки. После поздно. Ставь свою черту, монах. Только имя моё пиши без ошибки.

Тихон сделал знак на левой локтевой кости, выше места, где при сгибе рука давала наибольшую боль. Черта вышла короче Лукиной: Ульяна дёрнулась, и лезвие ушло в сторону, оставив у начала малое раздвоение. Тихон сразу нанёс такой же знак на пергаменную бирку и на дощечку. Кровь остановил золой и давящей повязкой. Ульяна наблюдала за ним без стона. Перед уходом она потребовала показать запись имени. Он развернул дощечку. Она прочла медленно, по складам, коснулась буквы “л” грязным ногтем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.